ПИОНЕР

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1933

№ 15

РЗФ

К БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО — БУДЬ ГОТОВ!

Двухнедельный журнал пионеров и школьников

ПИОНЕР № 15

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76

Август 1933

БЫТЬ СМЕЛЫМИ И ПРЕДПРИИМЧИВЫМИ

(Статья одного из старейших большевиков, члена президиума ЦКК тов. А. Сольца)

Мы строим новую жизнь, а строители, как и изобретатели, должны быть смелы и предприимчивы. Наши пионеры должны соответствовать своему званию и в жизни проявлять себя пионерами, прокладывающими новые пути. Когда вопрос идет о соревновании, об ударничестве, юным пионерам в этой области должно принадлежать первое место.

В пионерском возрасте все стремятся к приключениям, к путешествиям в неведомые страны. И самое интересное — изучать, знакомиться с неведомой еще достаточно нашим юношам страной, которая зовется СССР, страной строящегося социализма. Знать ее, наблюдать за ее ростом, развитием и особенностями, весьма занятно. Нигде, как в ней, есть широкий простор для проявления своей инициативы и предприимчивости, ибо мы строим новое, осуществляем то, о чем грезили, мечтали лучшие умы человечества. Неведомая для нас страна должна стать ведомой и в этом направлении, в этом духе должна итти наша учеба. Знать ее мы должны. Этого требуют и пытливый ум пионера и интересы нашей страны, которые не могут быть безразличны для настоящего пионера, для комсомольца и коммуниста в будущем.

Мы должны знать свою страну, потому что строим мы в ней по выработанному плану, потому что мы в ней хозяева, потому что юношеская потребность в познании нового, еще неизведанного и неизученного нигде не может найти такого удовлетворения, как у нас.

Буржуазный мир свертывает свое производство, придумывает способы и пути, как его сократить, как договориться со своими конкурентами на сей счет. Даже Американские штаты, являвшиеся наиболее широким полем в прежние годы для «пионерской» предприимчивости, идут по той же дороге. В это время наша страна прокладывает новые морские пути («Беломорстрой»), воздвигает огромные электростанции, заставляет работать на нас силы природы, вызывая их к жизни. Мы все еще работаем, как пионеры, надо чтобы и пионеры наши работали так, как их обязывает их высокое звание.

А. Сольц

Учитесь мужеству

На улицах мы встречаем людей с орденами на груди. Это герои нашей страны, это смелые люди,— трус не может быть героем. И среди героев встречаются не одни только бойцы и командиры Красной армии. Мы встречаем летчиков и писателей, рабочих-ударников и ученых, капитанов-полярников и учителей.

Значит смелость нужна не только в бою, смелость нужна и в кабине летчика, и за столом ученого, и за токарным станком. Недаром мы слышим о смелых изобретателях, смелых опытах ученого, о смелых перелетах и путешествиях.

Смелость—это качество, которое нужно в себе воспитать, это качество, которому обязательно должны сопутствовать стойкость, решительность, уменье учесть обстановку.

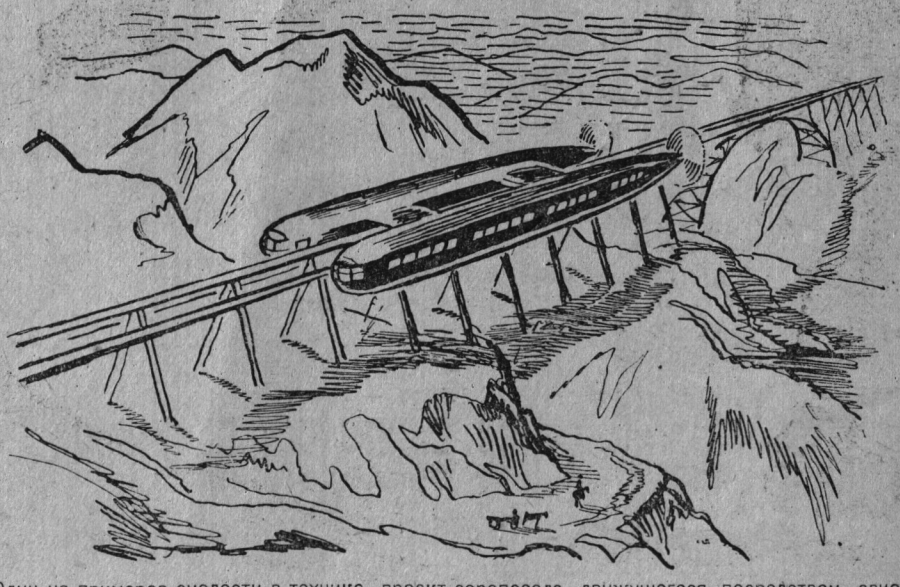
Можно назвать смелых пионеров, имена которых известны всему Союзу,— это Павел Морозов, выступивший против кулаков и погибший от их руки, это Митя Гордиенко, пионер Ростовского района, задержавший воров колхозного урожая, это Гарри Айзман, американский пионер, теперь комсомолец. Он был в тюрьме за свою боевую работу.

«Мы строим новую жизнь,—пишет старый большевик т. А. Сольц,— а строители, как и изобретатели, должны быть смелы и предприимчивы».

В этом номере журнала «Пионер» мы печатаем очерк С. Третьякова о смелом человеке — полярнике Ушакове.

Ждем от читателей писем, рассказы каких смелых людей они хотели бы читать в нашем журнале.

Пишите нам, ребята, о смелых людях, которых вы знаете. На примерах героев нашей страны будем учиться мужеству, учиться борьбе за дело рабочего класса на всех фронтах труда и обороны.



Один из примеров смелости в технике—проект аэропоезда, движущегося посредством авиомоторов со скоростью 250 км. в час. В одном из ближайших номеров, если захотят читатели мы дадим рассказ т. Вальднера о том, как он изобрел аэропоезд

34 2

Очерк С. Третьякова

Рисунки М. Родионова

Каждая эпоха имеет свой тип открывателя.

Возьмем морехода самых древних времен. Суеверный, невежественный, темный, он движется по морям ощупью, стараясь не выпускать из глаз берега. У него крохотное суденышко, каждый удар ветра и подводный камень могут ему принести гибель. Весь свет для него населен злобными чудовищами и призраками, только и ждущими сделать ему какую-нибудь пакость. Вот почему сказания о древних, о путешествиях полны всяких небылиц.

Тут и страны с людьми, у которых глаза на груди, и страны, где люди с огромными ушами: на одно ляжет, другим прикроется. И одноглазые циклопы, и люди, летающие по воздуху.

Эпоха капитализма, в которую хозяином земли становится класс собственников, владельцев-эксплоататоров чужого труда, порождает новый тип открывателя. Он уже пользуется наукой и менее суеверен. По земному шару он уже плывет не в таком тумане, как его предшественник. Но отныне мир для него становится населен не чудовищами, а сокровищами. Вот для того, чтобы эти сокровища захватить в свою собственность, стать при помощи их богатым, знатным, сильным и свободно эксплоатировать людей, и отправляется в рискованнейшие путешествия этот новый открыватель.

Он не постесняется во имя золота истребить целые народы. Он с легкостью перегрызает горло своему конкуренту, такому же хищнику, как он сам. Но все люди не могут одновременно стать эксплоататорами. Эта доля достается отдельным, наиболее изворотливым, хищным и боеспособным.

Вот почему открыватель капиталистических времен—это человек, который, как говорят, верит в свою звезду, в счастливый случай. Он готов итти на риск, чтобы добежать первым, первым захватить, награбить больше других и обеспечить себе спокойное существование в капиталистическом обществе.

Сотни таких открывателей, начиная с Колумба, движутся в сторону золотоносной Америки. Отважные капитаны открывают Австралию и острова Тихого океана. Тысячи золотоискателей бросаются, давя один другого, на золотые россыпи Калифорнии, Южной Африки и Аляски.

Во всех этих случаях человеческое стремление складывается из веры в свою удачу, риска и случайности.

Но есть новый тип исследователя—это социалистический исследователь, и нарождается он только у нас, в Советском союзе.

Вместо веры в удачу у него знание того, что он делает. Вместо единоличного хищничества — коллективная работа, где люди помогают друг другу и делятся опытом и находкой. Вместо риска и рекордсменства—систематическая настойчивость. Вместо случайности—работа по плану.

Даже если буржуазный исследователь отправлялся в трудную экспедицию из чисто научных интересов, он всегда оставался одиночкой, ему приходилось выклянчивать у богачей деньги на это предприятие, и, если оно не удавалось, терпеть унижения. Он не чувствовал за своей спиной поддержки заинтересованных миллионных масс.

А наш исследователь эту поддержку чувствует, он работает не для себя, а для всего пролетарского коллектива, для своей советской страны.

Возьмем к примеру полярников. Там, где буржуазный исследователь-одиночка пробивался сквозь льды, чтобы первым открыть полюс, наша советская наука действует иным способом.

Мы ведем правильную осаду полярной области. Нам совсем не надо рекордсменским рывком схватить полюс. Мы овладеваем страною мертвых льдов шаг за шагом, ставим радиостанции, исследуем и закрепляем за собою открытые острова, превращаем страшное Полярное море в постоянный путь для кораблей, закидываем все севернее наши самолеты, устраиваем так, чтобы в случае несчастья с одним полярником обязательно поблизости нашелся бы кто-нибудь, который мог бы ему подать помощь.

В Москве, минуя площадь вокзалов, вступаешь в улицу, где вчера глядится в завтра. Одна сторона этой улицы — в слободских домишках, деревянных, двухэтажных, с заборами. Так эта улица выглядела и тридцать лет назад и пятьдесят. Другая сторона улицы — чистые простые линии бетонных корпусов с горизонтально вытянутыми окнами. Это завтрашняя Москва.

Мы в комнате такого нового дома. Комната теплая, хотя на фотографиях, подсыхающих по столам, диванам и чемоданам, плывут льды, заносит снегом полярных собак, а из гущи меха смеется белозубый в черных полярных очках человек с из'еденной морозом кожей.

В комнате теснее вагонного купэ. Площадь ее заложена сундуками во много ярусов, так что хозяйке надо

Гос. Публичная Библиотека

совершать трехступенное восхождение, чтобы открыть форточку.

— Извиняюсь за тесноту, — говорит белозубый человек, — это ящики моего полярного хозяйства, они еще не разобраны.

У человека очень мягкий, тихий голос, внимательные глаза под стеклами пенсне.

Это — полярник Ушаков.

Американские газеты назвали бы его в заглавиях статей «Чемпионом белого пятна». Он три года был начальником острова Врангеля. Он его изучил и сделал населенным, приучив к нему эскимосов. Он два года был начальником Северной земли, воплощая в своей персоне 25 проц. населения этой таинственной страны и весь состав коммунистической партии в ней.

Почему «таинственной» земли?

А потому, что только однажды эта земля выглянула из тумана навстречу экспедиции Вилькицкого барьером своего восточного берега. Что к западу? Много ее или мало, — не знали.

Очертания земли должен был уложить на карту Ушаков с товарищами.

И уложил. Две тысячи километров береговой линии были прочерчены всего за два года, из которых восемь месяцев ушли на ночь, ночь, страшную для человеческих нервов, как месяцами не затихающая бессонница. Уложил, исходив с товарищами 7 тысяч километров.

Бывали дни, собаки проносили нарты по 120 километров таким сверканием снега, от которого слепли глаза. Бывали дни, когда делали 2 километра в сутки, раздвигая коленями весеннюю кашу снега. Бывало, плутали в лесу айсбергов. Бывало, вместе с палаткой гнал внезапный ураган по зеркалу ледника, норовя сбросить в пропасть...

В московской комнате не слышно шагов. В комнате мягко сидеть. В комнате жирен и густ волос жестковатых медвежьих шкур. Чучела двух медвежат похожи на игрушки.

Сто пять медведей убили четыре человека за два года. Били не как промысел, а для витаминов: медвежья кровь и тонко настругданная мороженая медвежатина спасают от цынги лучше лимонов.

Делегаты «белого пятна» все обильнее появляются в московской комнате. Из-за шкафа, задевая медвежьи шкуры, с грохотом выволакивается гнутая спираль-оглобля — мамонтов клык. Это на напиленных из него дощечках, сведенных в шкатулки, чертят тунгусы и эскимосы свою замечательную работу. Пластинки из него, нашлифованные добела, склеенные с тропическим бамбуком, образуют кирпичики игры «мачжан», изготовляемой в Китае.

Вслед за мамонтовым бивнем с неменьшим грохотом идет нечто, напоминающее костяную соху. Два кинжала торчат из массивной кости. Это конец моржевой морды. Морда так прочна, что пули всех калибров отскакивают от нее, а костяные кинжалы клыков—причина того, что лежбища этих зверей забрызганы кровью поротых ран.

— Что значит в полярных условиях «трудно»? — спрашиваю Ушакова.

Он долго думает.

— Как вам сказать. Особых трудностей, пожалуй, не было. А впрочем. Трудно, если бороды во-время не пострижешь. Тогда она обмерзает, и готов рвать ее, рвать этот мерзлый войлок прямо с мясом.

Трудновато, если хочется пить, а керосин для примуса уже на исходе. Ведь питье там — топленый снег.

Трудненько утром выскакивать из спального мешка. Ведь в него лезешь раздетый до белья. Впрочем к этому так притерпелись, что когда шли последним походом уже по весне юго-западной частью острова, проваливаясь в полыньи, увязая в снегу, мокрые от талой воды и испарины, то перед спальным мешком вечером раздевались совершенно, выжимали воду из белья, сырое снова сразу надевали и лезли в мешок.

— А мешок?

— Его берегли в брезентовых чехлах. Промочишь мешок, тогда совершенно трудно.

— Но весной же теплее?

— Высший летний зной 5 градусов выше нуля.

Еще трудно, если дорогу перегородит гряда торосов. Тогда лезешь через них, как можно было бы лезть через городские дома по водосточным трубам и подоконникам. Лезешь, перетаскивая на руках кладь, нарты, собак.

Впрочем в работе все эти трудности не трудны. Труднее вне работы. Трудно полярной ночью, когда день черен, как полночь, и напоминает ночной перерыв во время бессонницы. И надо, чтобы люди не размуштровались. Чтоб не забывали стлать за собой постели, вовремя садиться к столу, не впадать в молчание, или, что не легче, трудно переносимую болтливость.

Трудно, когда прерывается радиосвязь. Большой праздник — разговор по радио с родными.

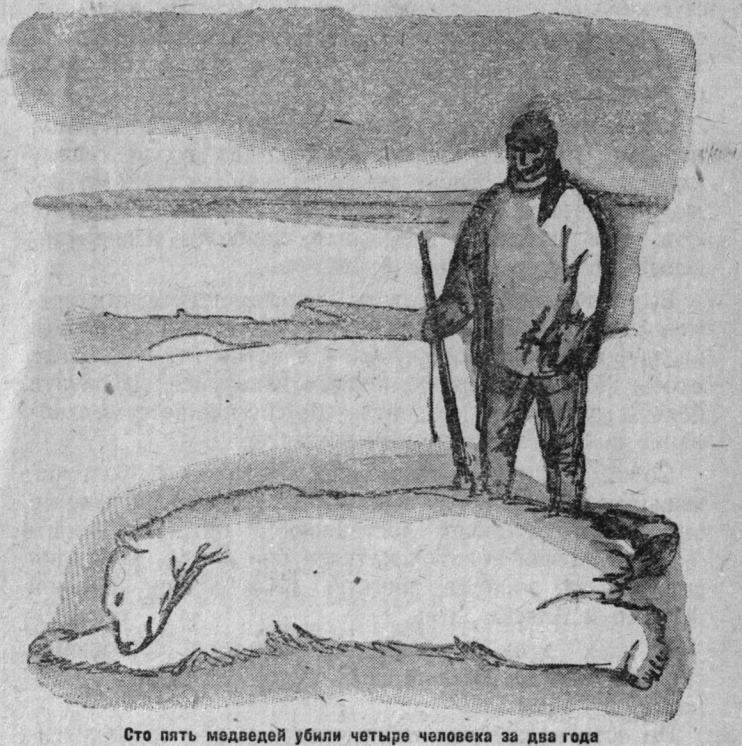
Вот пример, как изощряет эта ночь человеческий слух. Товарищ по зимовке сказал после радиопереклички:

«Не нравится мне голос жены. Как бы не расхворалась».

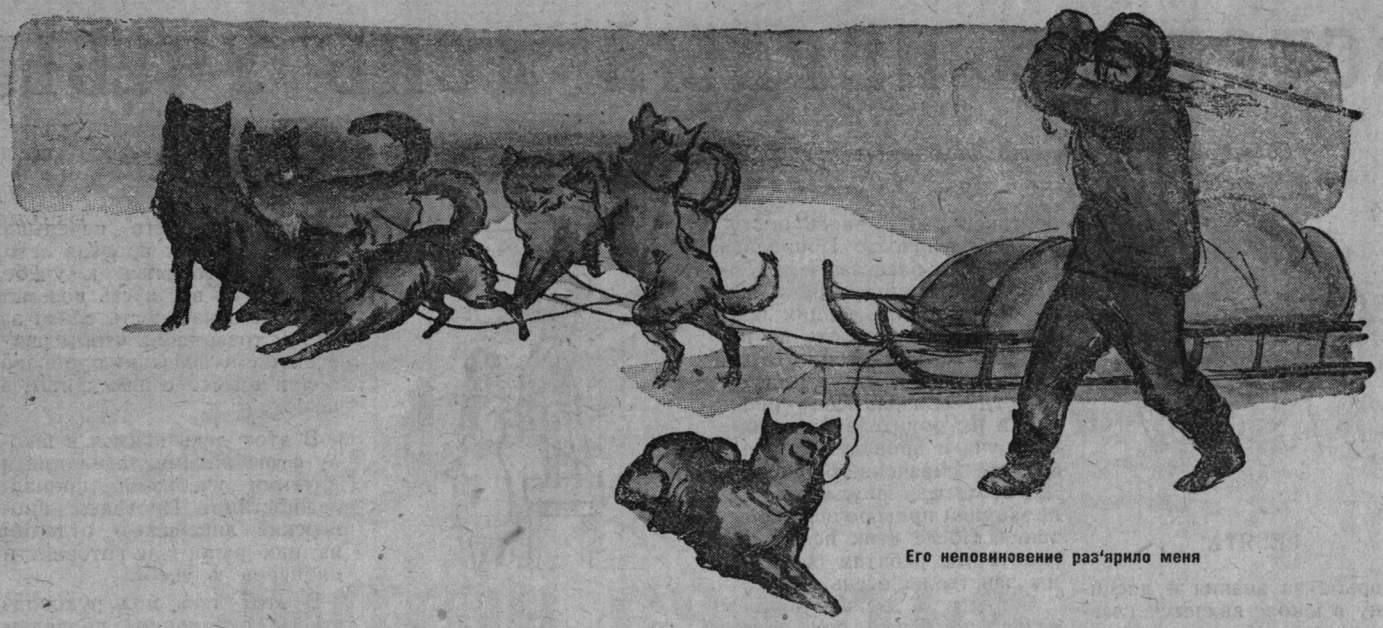
Уже наступила ночь. И пришла радиограмма о детях другого зимовщика: «Больны тифом. Надежды нет».

Я положил депешу в карман. Нельзя было на ночь глядя говорить об этом отцу. Это превратило бы зимовье в психиатричку. Отец детей скучал без них. Он часто видел их во сне и любил о них рассказывать за столом. Депеша лежала у меня в кармане и мне было трудно. Но совсем стало мне не по себе, когда другой товарищ (он знал о депеше) вдруг решил, что с его женой тоже случилось недоброе и депеша об этом тоже лежит в моем кармане.

Он мучил меня, прося не скрывать. Его опасение ста-



Сто пять медведей убили четыре человека за два года



Его неповиновение раз'ярило меня

ло уверенностью. Он заклинал меня прочесть ему телеграмму, обещал мужественно перенести.

Наконец меня взорвало, я сказал ему:

«Нет у меня такой телеграммы. Говорю тебе, как большевик! Если я лгу, плюнь мне в глаза! Если говорю правду, немедленно давай руку и прекрати расспросы».

Он протянул мне руку.

Но это случай исключительный. Обычно же черные зимние полярные сутки идут, как заведенные часы. Самое важное — чувствовать связь с миром. По радиоволне в зимовщиков из городов всего мира словно свежая кровь вливается. И радист на зимовке — это как тот матрос на корабле, который со своей мачтовой вышки на многие километры вперед видит и кораблю об этом сообщает.

— Помню вечер, — рассказывает Ушаков. — Охотник-промышленник сидит на полу, чинит меховые штаны. Мы за столом оторвались от книг, подняли лица к рупору. Радист угощает нас Харьковом. Женский голос поет, красивый. А мы сколько времени уже хорошего голоса не слыхали.

И вдруг погас голос. Оборвалась волна. Искал радист, искал, со всех катушек сбился. Наконец слышим опять голос. На этот раз пение иностранное. Прислушались — голландское. Только скучное поет что-то церковное. Терпели мы эту нуду, терпели, но вдруг охотник как ляпнет штанами об пол и рявкнул:

— Даешь «Кирпичики»!

Через секунду пение кончается и из трубки диктор сообщает: «Рюссише романсен»—значит «русские романсы».

И только сказал он, заиграли «Кирпичики».

Мы все прямо похолодели от неожиданности, а особенно охотник. Бывают же такие совпадения!

Потом мы над охотником по этому случаю часто смеялись:

— А ну, закажи «Конную Буденного»! Тебя радио слушается.

Мы смеялись. Видимо не только человека уговорить можно, а даже радио. А вот собаку полярную уговорить бывает трудновато.

Был у меня в упряжке ленивый пес «Магена». Однажды в разгар путешествия он забастовал. Лег, и упряжка остановилась. На зов он не шел. Я его ударил остолом — это палка, которая заменяет бич, — он привизгнул и спрятался под сани. Я пытался его вытащить, тыкал палкой, он свернулся и молчал упорствуя. Его неповиновение раз'ярило меня. Надо сделать что угодно, чтобы восстановить дисциплину. Надо заставить его всхлипнуть, ползти на брюхе. Я выхватил нож, схватил пса за ухо, отсек ухо. Он не издал ни звука, не сделал движения. Упрямо молчал и кровоточил. Я был побежден. Мы уехали без него. Он вернулся на зимовку только через 13 дней. И не было с тех пор пса послушнее и усерднее его.

Но раз я не сумел уговорить людей.

Было это еще на острове Врангеля. Охотясь вместе с эскимосами, я свалился в воду, промерз, и острое воспаление почек уложило меня в кровать на три месяца. Пока я болел, эскимосы не ходили на охоту и их начала валить цынга.

Я вызвал их к постели и потребовал, чтобы они пошли на охоту за витаминами, за моржевым или медвежьим мясом. Они отказались. Я спросил:

— Чего вы боитесь?

— Чорта, — ответили они.

— А почему же вы со мной ходили и не трусили?

— С тобой ходили. Ты большевик. Чорт большевиков боится.

Чтобы понять, как складывается новый тип такого полярника, как Ушаков, мало рассказать про его сегодняшнюю работу. Надо взглянуть издалека сквозь всю его биографию, тогда мы увидим, как растет на Амуре казаченок, как с помощью сельского учителя он попадает в город, в школу против воли родителей. Как он дерется в партизанских отрядах против белогвардейских атаманов и интервентов-японцев. И потом кооперативная работа на тихоокеанском побережьи, работа упорная, незаметная, систематическая, которая в будущем поможет человеку также упорно и систематически вести исследования.

Затем попытка Англии захватить остров Врангеля у входа в Берингов пролив. Надо найти человека спокойного, решительного, смелого и бывалого, который не растеряется ни в тайге, ни на морозе, и послать на этот остров, чтобы его освоить.

Таким человеком оказывается Ушаков, два года он работает на острове Врангеля и, почти не успев оглядеться в Москве, перекидывается на полтора года на Северную землю.

Так постепенно из него выработался один из главных руководителей всей той великой осады, которую большевики ведут против полярного неисследованного пятна.

ВСТРЕТИМ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ УЧЕБЫ

Обращение Центрального бюро юных пионеров ко всем пионерам и школьникам Советского союза

РЕБЯТА!

Борьба за знания и дисциплину в школе является главнейшей задачей пионеров, поэтому пионеры должны быть примером для школьников в этой борьбе.

1 сентября — первый день учебы в школе. С этого дня будьте готовы еще лучше, чем в прошлом году, продолжать свою учебу, укреплять сознательную дисциплину и готовить из себя через школу помощников партии в ее борьбе за великий план построения бесклассового общества.

Советы, заводы и колхозы—шефы наших школ, наши учителя и родители—уже сейчас готовятся к началу учебного года: заботятся о ремонте школьного помещения, о заготовке топлива, продуктов для школьной столовой, учебников и тетрадей.

Но одной их работы мало!

Надо всех ребят организовать, ознакомить с тем, как они будут учиться в этом году, добиться того, чтобы они без опозданий и задержек, бодрые и веселые, с горячим желанием учиться пришли бы в школу.

Что же надо делать для того, чтобы отряды и звенья успешно подготовились к новому учебному году?

1 сентября в школу должно притти много новых ребят. Каждый отряд, звено должны помочь школе в проведении переписи ребят, вновь поступающих в школу. Попросить зав. школой рассказать на сборах о значении всеобуча, выявить ребят, желающих принять участие в работе по переписи. Этих ребят отряд прикрепляет к дворам, жактам, где они раз'яснят ребятам и их родителям значение всеобуча и проведут учет ребят, не охваченных школой.

В этом году школы впервые проводили проверочные испытания. После этих испытаний некоторым ребятам были даны зачеты на осень.

Отряды и звенья должны сейчас же узнать, кто из ребят имеет зачеты организовать им помощь к сдаче зачетов, раз'яснить значение и порядок проведения проверочных испытаний, организовать соревнование на успешную сдачу ими зачетов, а также развернуть соревнование между звеньями на успешную организацию помощи им.

Ни одного не сдавшего осеннего зачета! За это должны биться каждый отряд, звено и каждый пионер.

Школа уже сейчас заготовляет учебники и тетради для ребят. Тут мы тоже можем оказать помощь: собрать деньги на учебники, обсудить, как распределять их между ребятами, позаботиться о том, чтобы школы снабдили учебниками нуждающихся учеников бесплатно.

К началу занятий ДСУ должно уже заранее наметить, какие будут работать кружки, как будут организованы перемены. ДСУ размечает дежурство членов учкома и строго следит за дисциплиной ребят.

ДСУ вместе с пионерами с самого первого дня развертывает социалистическое соревнование между отдельными учащимися и группами. Редколлегия выпускает стенную газету, посвященную началу нового учебного года.

Готовясь к занятиям в школе, пусть каждый пионер, звено и отряд позаботятся об устройстве и украшении пионеркомнаты в школе.

Для этого надо привести в порядок и починить мебель, устроить отрядные и звеньевые уголки и приготовить игры, книги, украсить комнату лозунгами, устроить выставку летней работы отряда, показать в ней достижения в работе лучших пионеров-любителей: фотографов, натуралистов, техников и т. д.

Надо, чтобы заранее звенья и отряды обсудили, какую работу они будут проводить зимой в этой комнате.

Все пионеры и школьники должны показать свою организованность и готовность к началу учебного года, свое уменье бодро и радостно встретить первый день учебы в школе.

29 августа каждая школа в каждом городе, в каждой деревне проведет пробный день явки ребят в школу.

Накануне этого дня проведем пионерскую цепочку и сборы, на которых встретимся после летнего перерыва. Расскажем, как провели лето, как подготовились к учебе, каждый из вас пусть возьмет на себя обязанность зайти за своим товарищем, чтобы раз'яснить ему значение пробного дня и вместе с ним притти в школу.

В этот день явимся в школу с учебниками, тетрадями и другими учебными принадлежностями. Проведем пионерские линейки и отдадим на них рапорт о готовности пионеров к учебе.

В этот день под руководством групповодов проведем собрания в группах, на которых учителя и вожатые расскажут нам, чему и как нас будут учить в школе, обсудим, как нам лучше поставить работу самоуправления, организовать соревнование, досуг ребят, познакомимся с распорядком и расписанием занятий в школе.

Школа должна приветливо и бодро встретить ребят. Для этого мы должны украсить школу плакатами, лозунгами и зеленью, устроить выставку летней работы.

Покажем пример всем ребятам!

Покажем всем, что мы умеем отдыхать и разумно проводить свой досуг, что мы любим нашу школу, что мы умеем бороться за нее.

К борьбе за политехническую школу будьте готовы!

Центральное бюро предлагает всем отрядам зачитать на сборах это письмо, после чего каждое звено обсудит и вынесет свои предложения и под руководством совета отряда организует ребят по их желанию на выполнение этих работ.

Пусть не будет ни одного пионера, который стоял бы в стороне от этой работы.

Центральное бюро юных пионеров ЦК ВЛКСМ

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Дуглас Штиммер, американец, молодой инженер, и Майкель Бьерк, негритенок — по прозванию Хеппи (счастливчик) — приятели. Штиммер спас Хеппи из рук собиравшихся его сжечь по суду Линча. Штиммер получает работу у капиталиста Фафнира на постройке гидростанции в Болдер-Сити и от него же получает „листок счастья". Это листок, на котором кружками обозначены должности от рассыльного до директора. Листок показывает, чего может добиться поступающий на службу к Фафниру.

Штиммер пытается устроить туда же на работу и Хеппи. Но Фафнир не принимает цветных (черных), но Хеппи недаром носит свое прозвище, случай сталкивает его с Фафниром, и он все же получает работу на машинке для заклейки конвертов. Однако Хеппи мечтает не о такой работе. Он пишет своему дяде повару на корабле письмо, в котором просит его устроить на пароходе. Работу у Фафнира Хеппи теряет очень быстро и отправляется к Штиммеру на строительство. Штиммер сочувствует недовольству рабочих, которых на стройке кормят тухлыми консервами. Кроме того в газете появляются рядом портреты его и Хеппи. В газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке на стройке. Они решают отправиться в СССР и устраиваются на пароходе „Иохан ван-Ольденбарневельт", где служит коком дядя Хеппи.

Роман С. Григорьева

Рис. П. Кузьмичева

(Продолжение)

У каменной стенки

Старый путиловский кран подвели к борту теплохода «Иохан ван-Ольденбарневельт», пришвартованного к каменной стенке Ленинградского порта. Кран, свесив блок над трюмом теплохода, был похож на огромного серого журавля с длинным носом; опустив клюв в глубокий трюм теплохода, журавль как будто долго что-то там рассматривал и шарил носом. Курлыкая лебедкой, кран вытягивал затем из трюма нос и в клюве выносил на воздух в высоту золотые ящики с черными надписями.

Хеппи стоял на теплоходе у сетки борта и как будто бы внимательно следил за работой крана. Разгрузка корабля началась тотчас после прибытия, лишь только были выполнены таможенные обрядности.

— Да, это хуже, значительно хуже! — бормотал Хеппи сердито. — Ты не думаешь этого, товарищ Кнами? — обратился он к вахтенному матросу, стоявшему вверху у трапа, брошенного к раскрытой двери деки F прямо на гранит причальной стенки... Матрос стоял наверху трапа. А внизу, у трапа на берегу, — советский таможенный часовой с зелеными цветами пограничной стражи.

Матрос угрюмо молчал.

— Да,—настойчиво повторил Хеппи громко, чтобы слышал и советский часовой, — это хуже необитаемого острова!

Часовой поднял голову, усмехнулся и спросил по-английски:

— Это почему же хуже? Тебе, парень, не нравится советская земля?

Хеппи радостно свистнул и залопотал:

— О, сэр! Напротив, совершенно напротив. Если бы вы спросили о небе, — иное дело...

— А что же небо? Чем плохо наше небо?

— Оно очень щедро, сэр! О если бы такое небо в Калифорнию, нам не приходилось бы строить плотины и проводить воду по трубам на поля. Мы бы даже согласились взять одну сотую долю такого неба, и нам хватило бы! — Ваше небо сделано не на месте...

— Зато земля на месте! — притопнув сапогом, ответил часовой.

— Да, сэр, но это хуже необитаемого острова!

— Второй раз слышу. Чем же? Об'ясни.

— Извольте, сэр. Когда корабль подходит к необитаемому острову, то никто не мешает выйти на берег...

— Придет время, и вам разрешат на берег. Пару деньков еще на борту посидите.

— Ой, это долго! Мы тут совсем промокнем!

— А ты не торчи под дождем. Какая тебе нужда мокнуть?

— У меня, сэр, все внутри высохло, до чего хочется на берег!

— Нельзя!

— А почему же вы пропустили три часа тому назад на берег нескольких джентльменов?

— У тех, кого пустили, паспорт, а у тебя?

— У меня мореходная книжка.

— Ну вот ты и сиди на море да жди погоды.

У Хеппи явилась робкая надежда, что Штиммер скоро вернется.

Журавль все вытягивал из трюма ящик за ящиком в

своем длинном клюве и, нагибаясь, осторожно грузил их на платформы. Электровоз, позвякивая, проворно пододвигал журавлю все новые и новые пустые вагоны: казалось, кран и электровоз заключили договор социалистического соревнования. Дождь лил попрежнему, и не было никакой надежды, что он перестанет. Вся команда парохода попряталась по койкам, прислуга предоставила мыть корабль дождю. Только у первого трюма двое матросов в желтых дождевиках наблюдали у пасти грузового люка, чтобы ящики не били в края, да над мостиком в плаще с нахлобученным на шапку капюшоном

советский такелажник с крана свистком, а то и криком передавал команду машинистам крана. Лебедки гремели. Из труб крана слетал клочьями бурый сладкий дым с колючим пеплом. Хеппи подошел к такелажнику. Кратко и твердо по-русски:

— Хочу берег!—Хеппи указал на устье Невы, где маячили в туманной мгле не то мачты гигантских кораблей, не то шпили с черными и золотыми вымпелами.—Там! Хочу!

— Очень просто!—невнимательно ответил такелажник.

Хеппи дрогнул от радости.

— Об'ясни, товарищ, как это!

— Я говорю, «очень просто», что и хочешь.

— Да. Берег! Хочу! До чорта!

— На берег нельзя!

Хеппи задумался над странностями русского языка.

— «Очень просто» и «нельзя»—это одно и то же?

Дождь, несравнимый ни с чем петербургский дождь, именуемый в Ленинграде «старорежимным», просачивался медленно, но верно сквозь толстую суконную куртку Хеппи и затекал с клеенчатой кепки за воротник. Казалось, что даже и фуфайка промокла. Хеппи задумался. Его тревожила судьба документов: что если и документы промокнут?

— Дело дрянь!

По книжке американско-советских разговоров (она тоже была среди документов) Хеппи знал, что очень часто в советской стране можно услышать вопрос:

— Ваш документ, гражданин?!

(Отвечайте немедленно, достав документ): — Вот мои документы, товарищ!

Хеппи твердо решил пробраться на берег (чем он хуже Дудди? Инженер? Белый? Хэ! Это вам не Америка, сэр!). Чем больше документов, тем лучше!

Хеппи забрался под набрякший тент навигаторского мостика. Притулясь к стенке в уголке, Хеппи растегнул куртку и проворчал по-русски: — Проверьте документы!

И по-английски (Немедленно доставайте документы)...

— Нет! Еще не промокли. Во-первых, мореходная книжка! Раз! Очень хороший раз! Вот мой палец! Можете проверить! Во-вторых, расчетная книжка кока с голландского корабля «Иохан ван-Ольденбарневельт» — тоже недурной раз! Американец с голландского корабля, что вы на это можете возразить? В-третьих: лебель конторы «Бильдинг компани» о том, что Майкель Бьерк — служит (штемпель «Уволен за сокращением») мальчиком при машине для заклейки конвертов. Мальчиком? Хэ-хэ! Это дело дрянь! Но машина, какая бы ни была, все-таки машина. Стаж, джентльмен! Стаж! Разве это не раз? И в-четвертых, погодите, товарищ, есть и еще документ. Вы сами скажете на этот раз: «Вот это уж раз!». Номер американской газеты «Солнце Калифорнии» из Лас-Бегаса.

Что вы на это скажете, сэр? Это — портрет Майкеля Бьерка. Это — портрет инженера Дугласа Штиммера — того самого. Это Дудди. И тут сказано все...

Есть еще пятый и последний «раз» — это мой «листок счастья»; вы видите по этому листку, что я мог бы сделаться в Америке важным лицом, но я предпочел ехать сюда.

— Эй, гарень! Погоди, я пошутил!

Хеппи задумался: под тентом дождя было меньше, чем под открытым небом, но все-таки надо спуститься вниз, чтоб обсушиться и обогреться. Попасть на берег нет надежды. Но и спуститься вниз никак нельзя. Ждать скорого возвращения с берега мастера или когонибудь из офицеров не приходилось. После их ухода старший квартирмейстер снял все верхние вахты и приказал запереть все входы, чтобы нельзя было переносить скрытой где-нибудь на палубах контрабанды. Вахтенный у люка, Кнами, решил наказать парня за то, что он влез на палубу, продержав его под дождем, и забыл о нем. Хеппи не станет же сам просить, чтобы о нем доложили боцману: это значит вместо берега попасть на сутки в карцер.

Хеппи пригорюнился, но вдруг услышал стук весел в уключинах и молодые голоса. Хеппи вскочил, подбежал к бортовой сетке и посмотрел вниз: к понтону крана подплывала шлюпка. На веслах сидело двое в клеенчатых бушлатах и зюйдвестках, на корме — рулевой. В шлюпке стояло два больших сосуда с завинченными крышками и корзина с чем-то, прикрытая брезентом. Шлюпка причалила к понтону.

„Очень просто“

Хеппи свистнул громко и протяжно.

Мальчишки в шлюпке подняли головы. Один из гребцов крикнул:

— Ребята, черный парень!

— Вещь нередкая: на этом корабле, папанька говорил, все черные!

Рулевой со скамейки крикнул Хеппи по-английски:

— Парень, здравствуй! Что ты там делаешь?

— Хочу на берег!

— Хорошее занятие! Под таким дождем еще! Ты что, на вахте?

— Если бы я был на вахте, надел бы дождевик, но я хочу на берег. Вы тоже, товарищи, под дождем...

— У нас нагрузка, — ответил один из гребцов.

— Мы отцу обед привезли, — прибавил второй.

— Где же обед? — спросил Хеппи. — Не вижу.

— А вот в термосах.

— А твой отец очень много ест, я вижу?

— Чудак! Он не один... Это всей команде...

— Товарищ, — обратился к рулевому Хеппи, — вы видите перед собой американца. Я из Калифорнии. Я могу вам много рассказать об этой стране. Меня зовут Майкель Бьерк, но проще меня звать Хеппи.

— Подожди, Хеппи. Мы сейчас сделаем свое дело. Меня зовут Дан Ландис. Я британец.

— Я — Панька Цымля.

— А я — Андрей Творов, мой папанька — старший кочегар здесь вот!

— Я уже назвал себя! Мой дядя Томас Бьерк здесь тоже важное лицо. Это потом. Послушай, Дан, мне нужно на берег. Но ведь кран не берег?

— Полагаю, что так...

— Я вижу из труб крана идет угольный дым. Значит там есть котлы, по крайней мере два котла и две топки.

— Ты угадал.

— Хеппи мог бы там прекрасно обсушиться и обогреться... Хеппи проклинает небо (оно совершенно мокрое в этой стране) и благословляет землю этой страны (надеюсь, здесь земля сухая более или менее?). Заметьте, джентльмены, Хеппи страдал малярией и подвергается риску простудиться! Очень просто!

— Погреем парня, — сказал правый гребец.

— А почему ты не идешь обсушиться на корабле?

— По трем причинам, сэр. Самая важная первая: я не могу упустить самой маленькой возможности попасть на берег. Отсюда я его по крайней мере вижу. Вторая, если я попаду вниз, меня прямо мокрого как есть боцман Рай отправит в карцер. Наконец, третья, не столь важная причина, я заперт здесь между двумя деками, как в мышеловке, и не могу ни подняться выше, ни спуститься ниже...

— Прыгай сюда, — крикнул Андрей Творов.

Хеппи огляделся, схватил свернутый в круг канат, закрепил и выпустил за борт. Конец достал почти до воды.

— Эй, парень! Погоди, я пошутил!

— Нельзя! — крикнул Дан Ландис, — это шутка!

— Мне не до шуток, сэр!

Хеппи перекинулся за сетку борта и по веревке соскользнул вниз. Закрутив конец на правой руке и левой ноге, Хеппи повис, качаясь над самою водой меж бортом корабля и краном, и левой рукой поманил парней на шлюпке...

— Это что? — послышался грозный оклик.

На кране у поручня стоял советский таможенный.

— «Очень просто!» Хочу на берег! — весело отвечал Хеппи. — У меня нет контрабанды.

— Сам ты контрабанда! На берег нельзя!

— Нельзя на берег? Тогда... Очень просто!

Хеппи раскрутил конец и, опустив руку, плюхнул в желтую воду. Голова его пропала на мгновенье под водой. Кепка всплыла. Хеппи вынырнул, отряхнулся и закричал. Таможенный мигом подцепил его багром и потянул вдоль борта к шлюпке.

— Осторожно, товарищ, не рвите платья! — сказал Хеппи, хватаясь за багор, — и как можно скорее к топке, могут промокнуть документы!

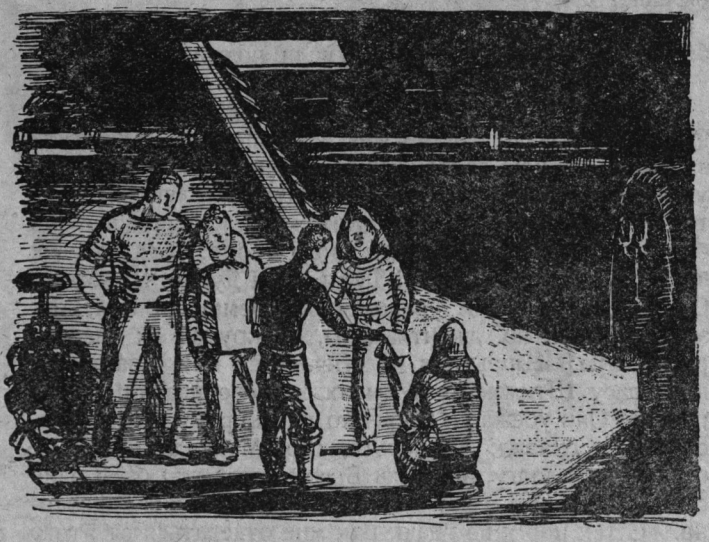
Хеппи вытянули на лодку. Он отряхнулся, вскарабкался на понтон и решительно направился к котельному люку.

Когда ребята, сдав обед, пришли в котельную, Хеппи сушился.

Все мокрое он разложил на кожухе котла, где могла терпеть рука, и сам (голый) сидел перед топкой, устроив себе табурет из большого куска угля, болтая по-английски и сколько мог по-русски с кочегарами. Обнаженные по пояс кочегары шуровали в топке второго котла, облитые черным липким потом, в отсветах красного света из топочного жерла они походили на негров и хохотали, скаля белые зубы, в ответ на болтовню Хеппи.

Лебедки наверху остановились, колеса перестали грохотать.

— Отчего же, товарищ, вы не идете обедать? Час пробил, надеюсь? Вот эти парни привезли обед, — про-



— Это мои документы, товарищи!

должал болтать Хеппи, делая вид, что не обращает внимания на мальчишек.

— Вот зашлакуем и под душ, а потом обедать.

— А ты как обсохнешь, одевайся и в кубрик! — сказал старый кочегар, — пообедаешь с нами.

— Вы, ребята, грейтесь здесь, только не баловать, ничего не трогать. Матвей, ты останься, вахти, пока мы обедаем, а ты потом.

Кочегары ушли. Матвей хлопнул Хеппи по спине и ушел к люку курить.

— Чай, поди, привез сигарок? — спросил он Хеппи. — В кармане нету?

— «Очень просто» и привез—но это, товарищ, контрабанда.

— Зачем контрабанда? Сам-то поди куришь?

— Дымлю, сэр! И если вы не считаете это контрабандой, то в правом кармане на груди моей куртки вы найдете непочатую пачку. Она упакована очень хорошо. Надеюсь не промокла? Видите, сэр. Это — недурные сигарки. Мексиканский лист, сэр!

— Нет, нет, вы берите себе все и дадите остальным. Мне оставьте только четыре. Это мне, это вам, тебе, тебе и тебе!

Хеппи протянул мальчишкам по сигаре...

— Мы не курим. Курить вредно. Нам нельзя курить, — отозвались в один голос мальчишки. — Ведь мы пионеры, — прибавил Творов.

Хеппи откусил кончик сигары и задумчиво смотрел на то, как кочегар, достав из топки огромными щипцами маленький уголечек, закуривал сигару.

— Хэ! «Била не била!» Покурю в последний раз!

Хеппи закурил сигару от уголька, протянутого ему Матвеем, и, пыхнув голубым дымком, смотрел, как дым тонкой лентой тянулся к топке.

Гребцы со шлюпки уселись рядком на железные ступеньки лесенки и не отрывали глаз от Хеппи. Дан Ландис стоял перед ним и улыбался.

— Что это у тебя, парень, подмышкой?

— Это мои документы, товарищ, — ответил Хеппи по-русски, — если угодно?!

Хеппи выбрал из пачки документов и подал Дану Ландису номер «Солнца Калифорнии».

— Только осторожнее, сэр, это — очень важный документ.

Дан Ландис пробежал газету, взволновался и сказал торжественно:

— Ребята, этого парня в Америке хотели линчевать. Это — жертва фашистского террора! Расскажи, как это было, Хеппи, и кто этот Дуглас Штиммер, что тебя спас?

— Это Дудди! Об этом парне потом. Но что верно, белые черти не в шутку вздумали поджарить меня.

— Огонь горел?

— Очень просто! — уверенно ответил Хеппи. — Огонь уже лизал своими языками мое темя. Обратите внимание на мою голову, джентльмены. Вы видите, что у меня волосы на голове курчавятся мерлушкой. Это тогда от огня они у меня скорежились, а раньше они были у меня волнистые, ну вроде твоих, Дан, это уж верно, если я так говорю! Тут явился Дуглас Штиммер. Он перерезал одним ударом ножа ремни (я был, как это вам понятно, джентльмены, прикручен к дереву ремнями). Я выпрыгнул из огня. «Бей их!»—закричал я Дугласу Штиммеру, и мы их здорово вздули! Очень просто! Они убежали. Я крепко пожал руку своему спасителю и сказал: «Поверьте, сэр, Майкель Бьерк не останется в долгу. Майкель Бьерк справился бы и один с этой сволочью, если б они не напали сзади и внезапно!» С тех пор я не знаю, как мне отделаться от этого парня Дугласа. «Дудди, — говорю я ему, — тебе вовсе не надо быть всегда со мной, я найду случай явиться во-время, когда тебе будет угрожать смертельная опасность». «Нет, Хеппи, — отвечает он, — я хочу быть у тебя всегда под рукой». Понимаете, товарищи, когда он узнал, что я решил переселиться в СССР, парень увязался за мною.

— Он здесь, на корабле, этот парень?

Хеппи поперхнулся.

— Да, он прибыл со мной на этом корабле механиком.

— Механиком! А я думал, — заметил Дан, — что он одних лет с тобой.

— К сожалению, это не так, Дан. Дудди старше меня, он уже инженер.

— Это у тебя нескладно вышло, Хеппи. Парень заливает,— по русски обратился Дан к товарищам.

— Заливает? — повторил Хеппи.—Что это значит?

— Приврал малость.

— Нет, джентльмены. Я вас познакомлю с Дудди, и вы увидите сами, я не соврал, сказав, что он старше меня, об этом вы можете судить и сами вот по этому портрету, где, правда, он не совсем похож. А я очень похож, не так ли?

— Придется парня взять в работу, — сказал Творов, сын старшего кочегара.

— Ты не хочешь назад в Америку?

— Нет! Никогда! Я решил остаться в этой стране, джентльмены, до самой своей смерти.

Кто-то сверху гулко застучал в железо палубы, и из люка крикнули:

— Эй, ты американский житель! Высох?

— Что отвечать? — спросил тихонько Хеппи Дана. — Если дело клонится к тому, чтобы меня опять на корабль, я еще мокрый, если на берег, я совсем высох.

— Куда его? — спросил Дан.

— В контору порта!

— О! — Хеппи сорвался с места и начал поспешно облачаться: исподнее у него совсем просохло, куртка и штаны дымились паром.

— Это ничего! Дождь не перестал наверно. У тебя, Дан, сухой карман? Я тебе доверяю документы.

— Ценю твое доверие. Но ведь тебе в контору порта, а нам надо сдать термосы на кухню.

— Дан! Ты должен вникнуть в это дело. Мне придется говорить с командиром порта. Очень просто! Я не могу еще так свободно говорить на языке этой страны. Ты мне поможешь?

— Чудак! Командир порта говорит отлично по-английски. Только тебе едва ли придется с ним говорить, он очень занят, к нему не пустят из-за пустяка.

— Из-за пустяка! — Хеппи возмутился.—Надеюсь, не каждый день в порту выуживают из воды «негра»?

Панька вмешался в разговор:

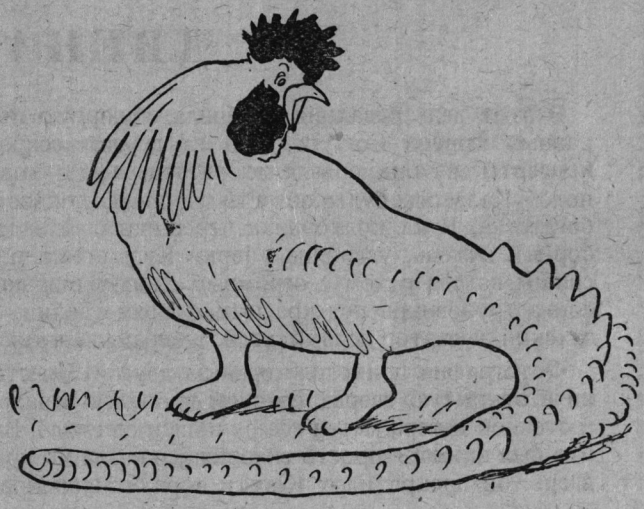
— Не станут же из-за него вызывать катер! Мы его в своей шлюпке и свезем. Айда наверх, Хеппи, а где твоя кепка?

— Кепка? Уплыла! Это неплохо, джентльмены! Майкель Бьерк вступит на берег этой земли с обнаженной головой.

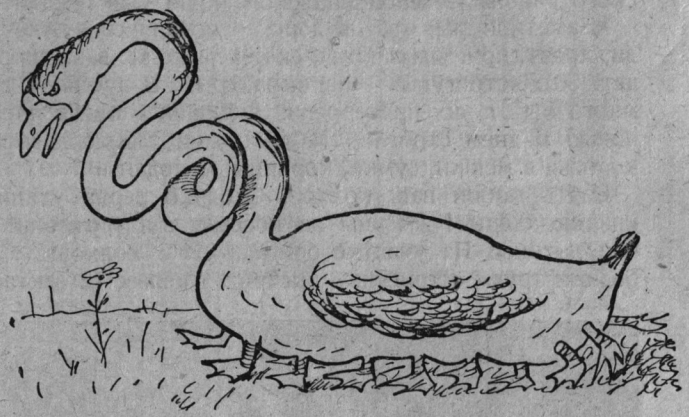
Ребята поднялись наверх. Дан Ландис поручился перед пограничником, что они доставят Майкеля Бьерк («его документы у меня») в контору порта на своей шлюпке. Пограничник согласился. Ребята погрузили в шлюпку пустые термосы и отчалили. Обеденный перерыв кончился. На кране снова загремели лебедки, окутавшись паром. Дождь лил попрежнему. «Иохан ван-Ольденбарневельт», казалось, вымер. Быть может кто и видел через иллюминатор, что Хеппи покидает корабль, но никто не подал и знака.

(Продолжение в следующем номере)

Подозрительные гибриды

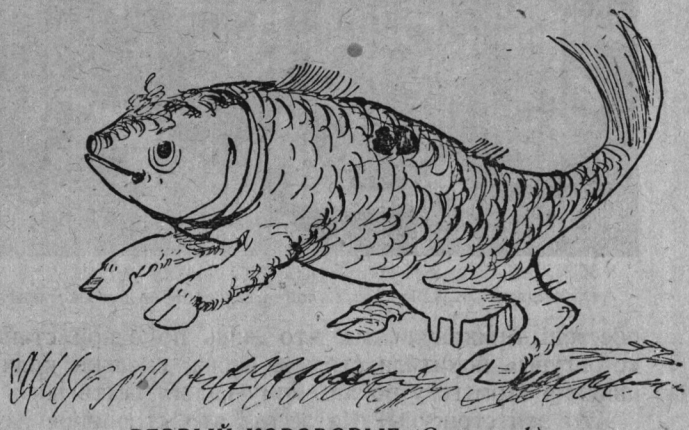


УДИВИТЕЛЬНЫЙ КРОКОТУХ *(Crocotuch)*



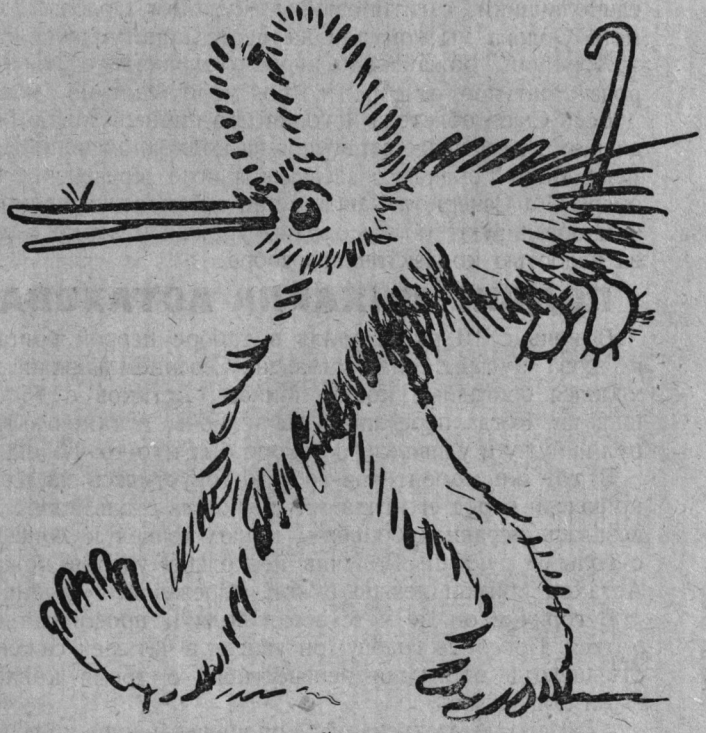
ЗЛОБНАЯ ЗМЕЕГУСЕНИЦА *(Smioiegussieniza)*

УНЫЛЫЙ КОЗЕКУР *(Cosiecur)*



РЕЗВЫЙ КОРОВОРЫБ *(Coroworyb)*

ДОБРОДУШНЫЙ УТКОЛЕВ *(Utcoliew)*



НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ТУТ-ИТАМ *(Tutitam)*

Дорогие читатели! Редакция просит извинения за недоразумение, происшедшее на этой странице. Дело обстояло так. Мы попросили художника А. Каневского нарисовать для журнала таблицу гибридов, т. е. выведенных людьми новых пород животных. Однако, заказав эту таблицу, мы не учли некоторых странностей характера этого талантливого художника. Вместо того, чтобы нарисовать гибридов в соответствии с наукой, он понатаскал их ниоткуда и до сих пор утверждает, что они существуют на самом деле, хотя это ни с чем несообразно. Если мы догадались, что крокотух (crocotuch) это полукрокодил-полупетух, то относительно, например Тут-Итама мы ничего сказать не можем. Нам это животное совершенно неизвестно. По техническим причинам мы вынуждены рисунки напечатать в этом номере. Советуем ребятам не обращать на них внимания, а по возможности совсем не смотреть на них.

Для того, чтобы не впасть в заблуждение относительно гибридов, советуем вам прочитать очерк Г. Замчалова о настоящих гибридах на стр. 14. Там уж все верно. Ручаемся.

БЕРЕГИСЬ ПАРИКМАХЕРОВ

Еще колосился урожай, как колхозники из Курсавского района Северокавказского края уже писали:

«Заметили мы, что на дорогах появились чужие люди, ходят, приглядываются, скоро ли колос в налив войдет. Это «стригуны», «парикмахеры». В прошлом году много мы от них претерпели. Забирались они в посевы ночью и днем стригли стебли ножницами, складывали колосья в мешки, сумки, корзины, чемоданы.

Взять любой наш колхоз. Сколько зерна утащили «парикмахеры»! Лысины на посевах выстригивали! Да что лысины! На участке бригады № 3 колхоза «Свободный труд» «стригуны» выстригли целых 12 гектаров

Азербайджан. Красная автоколонна с хлебом на пути к элеватору

посевов! Прикинули мы, что лишь по одной станице «стригуны» похитили столько зерна, сколько колхозникам в этом году по хлебному налогу сдать надо.

Кто эти стригуны? Не всегда это сторонние люди, прибывшие из других сел и станиц. Вот хотя бы в колхозе «Вторая пятилетка». Тут стригунами оказались единоличники, сагитированные кулаком Орловым. Самого Орлова мы поймали на месте приступления».

Хороший урожай надо хорошо охранять от всякого рода стригунов, от воров из-под молотилки, из амбара.

Весь Союз облетела история про пионера Митю Гордиенко, поймавшего стригунов на колхозном поле. Примеру Мити Гордиенко следуют многие деревенские пионеры. На Северном Кавказе они в помощь комсомольцам организуют посты охраны урожая и зорко следят за целостью коллективного добра.

ПОДВИГ МИХАИЛА АСТАХОВА

В ночь с 10 на 11 июля в таборе первой бригады колхоза «Гигант социализма» на Северном Кавказе находился бригадный конюх Михаил Астахов с 15 лошадьми. Когда перевалило за полночь, Астахов выглянул наружу и удивился: в таборе был кто-то чужой.

В тот же момент чья-то рука опустилась на плечо конюха и перед его глазами сверкнула сталь ножа. Завязалась неравная борьба — конюх вышел к лошадям с голыми руками. Получив несколько ударов ножом, Астахов поймал лезвие рукой, изрезав всю ладонь.

В горячке он не чувствовал боли и продолжал бороться. Повернув голову, он увидел в четырех саженях стоящего в ожидании неизвестного с тремя колхозными лошадьми.

— «Надо вырваться, иначе пропали лучшие кони!»— решил Астахов. Он рванулся, оставив в руках врага полрубахи и отбежал в кустарник. Выйдя обратно, увидел, что лошади уведены. Захватив ружье, сел на коня и бросился в погоню. Настигнув воров через шесть километров, открыл по ним стрельбу. После четвертого выстрела воры бросились в бегство, оставив лошадей.

ТОВАРИЩУ УРОЖАЮ—ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ

ДВЕНАДЦАТЬ ОКОН

В этот день редакция получила обширную почту из разных концов Союза. Один за другим вскрывались конверты, из них появлялись фотографии советских полей. Казалось, будто области торопятся показать свои богатства. Рука колхозника пересыпала на ладонь отборный ячмень, ударница уборки Кузьмичева из Одессщины встала рядом с огромным снопом пшеницы, колонна грузовиков под красным флагом увозила на Евлахский элеватор первый хлеб азербайджанских полей.

Фотографии приходили одна за другой. Вместе с ними в открытую дверь редакции врывался запах полей, и степной ветер сметал все рукописи со стола. Впрочем это был кажется просто сквозняк, и когда мы прикрыли дверь, он прекратился. Кстати пора было прекратить и поток фотографий, их набралось двенадцать, а у нас журнал не резиновый. Они и то никак не умещались на двух страницах. А нам хотелось показать читателям все. Эти фотографии, как из двенадцати окон, показывают нам поля в двенадцати разных областях нашей страны.

Мы решили наклеить все фотографии на карту Союза. Так получилась наша карта урожая. Она неполная, мы не отовсюду получили фотографии. Да и карта обрезана по бокам, иначе она не укладывалась на страницах. Но ведь ни на какую, даже самую большую карту Союза не уместится новый урожай, который вырос и переливается через край на широких колхозных и совхозных полях.

Разберитесь в карте: В **Азербайджане** красная автоколонна колхоза «Новый путь» везет хлеб на элеватор. В **Абхазии** ударная комсомольская бригада колхоза «Новая деревня» ломает табак. В **Таджикистане** караваны с хлебом идут к заготовительному пункту. Агроном Маруся Зинченко берет пробу крымского ячменя для определения качества урожая в Феодосийском зерносовхозе. Ячмень первого колхозного обмолота пересыпается в руках колхозника **Сев. Кавказа.** Ударница уборки т. Кузьмичева с огромным снопом пшеницы артели им. Сталина на **Одессщине.** Вот сняты колосья проса, выращенного в колхозе «Красный Дубовражец» **Нижней Волги.** В республике **Немцев Поволжья** начальник политотдела МТС т. Кауфман осматривает рожь, данную на сеяной пункт. В **Московской области** агроном т. Черепанин наблюдает за цветением капусты на участке, выделенном под семена. На Южном Урале колхозники сеяют зерно в бестарную повозку для отправки на элеватор. В **Западной Сибири** разгружают зерно с комбайна. Озимая рожь колхоза «Прибой» **Вологодского района** колосится в рост человека. Урожай залил советские поля.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ОБ УРОЖАЕ

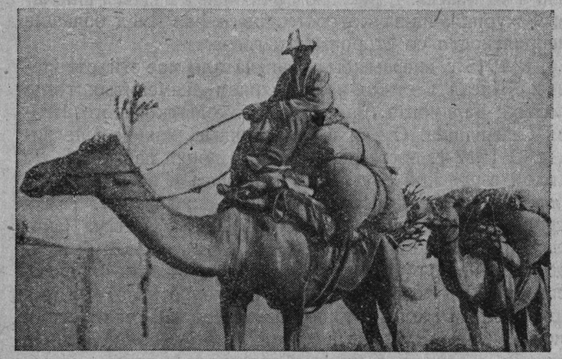
Самый лучший урожай можно сделать плохим, если плохо его убрать. Поэтому нужно хорошо его убрать, убрать без потерь, во-время, не пропустить сроков, не дать зерну осыпаться, так организовать работу в колхозе и совхозе, чтобы не было простоев машин, орудий, рабочего скота и людей.

Урожай обмолочен, и первый путь зерна — путь на государственный элеватор, на приемный пункт. Каждый совхоз и колхоз, каждый единоличник должен прежде всего выполнить свои обязательства перед государством — сдать зернопоставки.

Зимой этого года правительство установило новый закон о сельхозналоге. По этому закону каждый колхоз, каждый единоличник обязан сдать государству с гектара определенное количество зерна. Это количество не увеличивается, не уменьшается. Будет хорошо работать колхоз, хорошо засеет, уберет — ему больше останется, плохо работать будет — меньше останется; не по урожаю определяется налог, а по земле.

Партия и правительство строго-настрого запретили какие бы то ни было встречные планы. Каждый колхозник еще весной твердо знает, сколько он сдаст государству и твердо знает, что все после сдачи налога останется в колхозе. Когда один колхоз привез на приемный пункт немного лишнего зерна, весовщик отказался принять его и отсыпал обратно.

Запретив встречные планы, партия и правительство решили, что этот известный заранее налог нужно сдать сразу в течение июля, августа, сентября, не затягивая



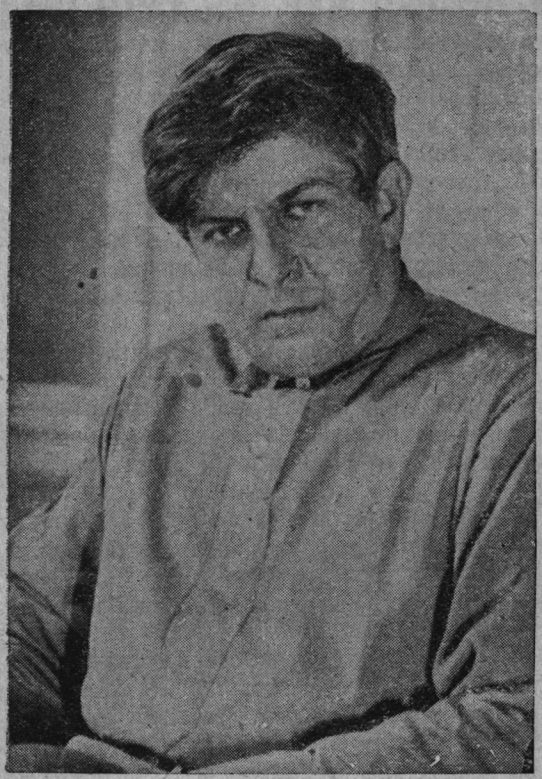
Таджикистан. Колхозные верблюды с хлебом на пути к заготовительному пункту

чуть ли не до февраля, как это кое-где бывало в прошлые годы. Первый хлеб должен пойти государству.

Потом колхоз должен обеспечить себе семена к весне, фураж для скота. Он должен засыпать семенные страховые и фуражные фонды.

И наконец нужно правильно распределить урожай по трудодням, так, чтобы тот, кто больше и лучше работал в колхозе, больше и получил.

Урожай приходит — его нужно встретить как следует. Есть еще в нашей стране враги, которые пытались и пытаются тянуть его в свою сторону и стараются утянуть побольше. Классовый враг изобретает всякие способы, он посылает на поля «стригунов» и «парикмахеров», он стоит за спиной лодыря и бездельника, он темными ночами пробирается к зернохранилищам, он протаскивает в колхозы свою кулацкую уравниловку, он старается сорвать своевременную зернопоставку. Всем кулацким махинациям мы должны противопоставить нашу сплоченность под знаменем партии, классовую зоркость, уменье работать по-большевистски.



КАК Я ПИШУ

Мы получаем очень много стихов от ребят и посылаем отзывы о них. Но некоторым ребятам даже трудно отвечать, так много стихов они посылают. Многие из них и написаны даже довольно гладко, но до чего же они похожи друг на друга! Можно подумать, что молодые поэты пишут по какому-то одному образцу. Это потому, что ребята пишут стихов много, а думают над ними мало. Настоящие же большие поэты отличаются большой наблюдательностью, отдают много внимания жизни, поэтому каждое их произведение открывает нам даже в самых знакомых вещах новое, чего мы не знали, не чувствовали, не замечали раньше.

Большой мастер работает над стихотворением по 2—3 месяца, а не печет их, как блины. Быстрота в работе над стихами приводит к тому, что они пустые, поверхностные... Чтобы научиться понимать все, что происходит вокруг, и глубоко осмыслить, для этого нужно по-ударному и крепко работать всюду,— куда ни пошлют: в школе, в отряде, в деревне, на производстве, и в свои стихи вкладывать полученный на работе опыт.

У праздных же наблюдателей и стихи книжные, далеки от действительной жизни, ненужные людям, через них ничего не почувствуешь, не узнаешь...

Эдуард Багрицкий рассказывает, как он от книжной поэзии пришел к настоящей живой и нужной. Прислушайтесь к тому, что говорит Багрицкий, а главное — вслушайтесь в его стихи. Каждое его стихотворение звучит как песня.

Эдуард Багрицкий один из лучших поэтов нашего времени. А «Дума про Опанаса самое замечательное его произведение.

Стихи я начал писать очень давно, кажется с 3-го или 4-го класса. В реальном училище я издавал школьный журнал, из-за которого много раз имел большие неприятности со стороны педагогов.

В 1915 г. впервые было напечатано мое стихотворение. Писал я стихи под влиянием знаменитых тогда поэтов: Бальмонта, Брюсова, позже Маяковского, Игоря Северянина. Стихи были книжные, жизни я не видел. В 1917 г. после революции я попал на фронт. Из тихой еврейской семьи, где я родился и воспитывался, попал я в казачью среду на персидский фронт. Там я пробыл до 1918 г. и вернулся обратно в Одессу. Началась гражданская война; Одесса была городом беспрерывных боев, городом, в котором жестоко боролись революция и контрреволюция. Несмотря на это, я был настолько отдален от действительности, что стихи мои носили чисто отвлеченный характер: я писал о тиграх, о зверях, о летучем голландце и совсем не отражал явлений жизни.

Впервые по-настоящему я столкнулся с ней в 1919 г., когда поступил в Красную армию. Действительность была очень суровая. Я многого не понимал. Но культурная работа, которую я там вел, меня сильно увлекала. Все же и тогда, несмотря на то, что мне приходилось близко сталкиваться с красноармейцами, стихи мои оставались еще книжными.

Впервые по-настоящему я задумался над тем, что я делаю, уже будучи взрослым, уже пройдя опыт гражданской войны и революции.

В 1925 г. я приехал в Москву. Я понял, что не в книжном языке дело и не в книжных образах, а что нужно присматриваться к жизни, и это я стараюсь делать до сих пор по мере возможности.

Я написал «Думу про Опанаса». В ней я описал то, что я видел на Украине во время гражданской войны.

Над «Думой про Опанаса» я работал долго, месяцев восемь. Мне хотелось написать ее стилем украинских народных песен, как писал Тарас Шевченко. Для этого я использовал ритм его «Гайдамаков». Мне хотелось показать в ней историю крестьянина, оторвавшегося от своего класса и попавшего к махновцам. Рассказать о нем и о его гибели. Мне кажется, что мне это удалось, поскольку эта вещь выдержала испытание временем: она была написана в 1926 г. и до сих пор еще печатается всюду. Теперь я сделал из «Опанаса» оперу. Правда, мои стихи сложны и меня даже упрекают в некоторой непонятности. Это происходит оттого, что я часто увлекаюсь сложными образами и сравнениями, но я думаю, что в конце концов я смогу так овладеть материалом, чтобы о сложных вещах писать просто.

Над стихами я работаю очень много: над одним стихотворением 2—3 месяца. Я хочу отвечать за каждую строчку, мною написанную.

Учусь я все время. Учусь по книгам. Учусь у жизни. Каждый человек, с которым я встречаюсь, для меня представляет определенный интересный материал. Я много ездил по стране, но никогда не был праздным наблюдателем. Ездил я как охотник, ночевал в деревенских избах, в лесах Тамбовской губернии, в Архангельской тундре. Прислушивался к языку.

У меня была большая практика по работе с ударниками в литературе. Я старался, во-первых, ознакомить их с нашей литературой, во-вторых, приохотить их к чтению и писанию стихов, превратить писание стихов из развлечения в настоящую работу.

Мне приходилось также сталкиваться с бригадой «Пионерской правды». Эту зиму я провел с ними несколько бесед. Там есть очень способные ребята, которые безусловно будут писать очень хорошие стихи. Им нужно только побольше читать и побольше видеть. Мне кажется, что ребята боятся классиков. На совещании с ребятами из бригады «Пионерской правды» выявилось, что, несмотря на то, что многие пишут очень талантливые стихи, они не читали такого гениального произведения, как «Медный всадник» Пушкина. Мне пришлось им его прочитать.

Ребята были недовольны преподаванием русской словесности в школах, и когда они впервые от меня услышали живое слово о Пушкине, они были страшно обрадованы. Они увидели, что это не мертвый поэт, что это поэт живой, что у него еще можно учиться.

ДУМА ПРО ОПАНАСА

Отрывок из поэмы

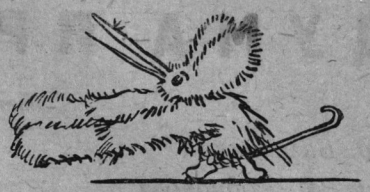
Эд. Багрицкий
Рис. М. Родионова

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эксадроны
Прямо на дорогу...
От приварка рожи гладки,
Поступь удалая,
Амуниция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю.

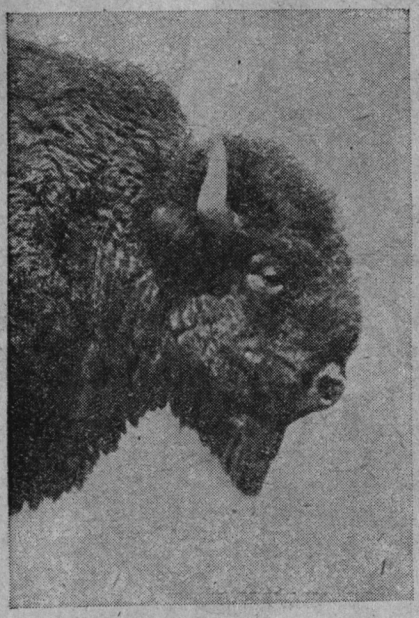
Не шумит над берегами
Молодое жито,—
За чумацкими возами
Прячутся бандиты.
Там, за жбаном самогона,
В палатке дерюжной,
С атаманом забубенным
Толкует бунчужный:
— Надобно с большевиками
Нам принять сраженье,—
Покрутись перед полками,
Дай распоряженье!..
Как батько сразмаху двинул
По столу рукою,
Как батько сразмаху грянул
По земле ногою:
Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днища;
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шапок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!..

Ну и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелятся в разбеге
С дорогою вровень—
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.

Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливною силой.
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пулей или пикой
Добудем комбрига!..
Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками!
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся—и сразгону
Хлобысть по сопатке!..
Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву сковырнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..



Тут-Итам от удивления встал на свои задние лапы.
— Ах, вот они какие гибриды в действительности. Совсем не похожи!



НАСТОЯЩИЕ ГИБРИДЫ

Очерк Г. Замчалова.

I

На рассвете прибежал старший рабочий. Забарабанил в окно, разбудил.

— Павел Федотыч, «Красавица» отелилась!

— Ну что же? Заберите у нее теленка, взвесьте, а утром посмотрим.

— Да мы уж пробовали. Там и техник с нами. Ну, она развоевалась — не подойдешь.

— А, чорт! Только лег, и вот... Ну сейчас.

Он быстро оделся и вышел. Это был маленького роста человек, издали похожий на парнишку лет двенадцати. Очень смешно было видеть, как твердо и уверенно зашагал он к взбунтовавшейся «Красавице».

У бревенчатого дворика стояло шесть человек рабочих во главе с очкастым техником. Павел Федотыч заглянул в щелку. В углу под навесом возвышалась живая темнобурая гора. Это и была «Красавица», огромная полузубрица, дочь зубра «Альфельда» и зубробизонки «Наны». Она склонилась над темным комочком, нежно лизала его, а сама все еще глухо рычала: остаток злобы на людей, которые осмелились подойти к ее младенцу.

— Товарищи, кто хочет войти туда со мной?

Рабочие смущенно переглянулись, а техник поспешно сказал:

— Сейчас я бы не советовал. Опасно, знаете. Пусть немножко привыкнет. А пока...

— А пока она задавит теленка, и четыре года нашей работы пропали даром — так, что ли? Хорошо. Если вы не хотите, я пойду один.

Он решительно открыл калитку и вошел.

— Постойте, я тоже с вами! Помирать, так вместе!

Это сказал старик-рабочий Федосюк. Сказал как бы шутя, но видно было, что решение это ему стоило дорого.

Павел Федотыч захватил свежего сена, посыпанного отрубями, и еще издали начал «уговаривать»:

— «Красавка», «Красавочка», на, на. Глупая, никто ж тебя не тронет.

Он подошел совсем близко. Услышав знакомый голос, «Красавица» замычала, не то ласково, не то угрожающе — не поймешь! Но от теленка и не подумала отойти. Тогда он передал сено старику, а сам слегка ударил ее ладонью, как какую-нибудь козочку.

— Гай, гай! Ну, ты, дуреха! Гай!!

«Красавица» повела на него мутнокарим глазом. Испугайся он, дрогни,—и может быть «дуреха» одним взмахом головы вышибла бы из него дух. Но он только еще раз прикрикнул:

— Гай, ты, бандура!

И вот эта свирепая громадина послушно повернулась и пошла за Федосюком. Они завели ее в узкий проход, сделанный из толстых жердей, — «стрелку». Выходя, старик быстро заложил ее бревном. «Красавица» очутилась в западне: вперед не пускает бревно, а назад — повернуться негде.

Павел Федотыч осторожно поднял дорогого малютку и сказал Федосюку:

— На, ты уноси его скорей, а я выпущу ее.

Он подождал немного и пошел откидывать бревно. Теленок уже был снаружи. Вдруг он жалобно замычал: мма-а! Сейчас же вслед за этим раздался страшный рев. «Стрелка» вся затрещала. Бревно и две крайних жерди переломились, как спички. Раз'яренная «Красавица» раскидала загородку по бревнышку и выскочила во двор.

— Калитку! Закрой калитку! — крикнул Павел Федотыч.

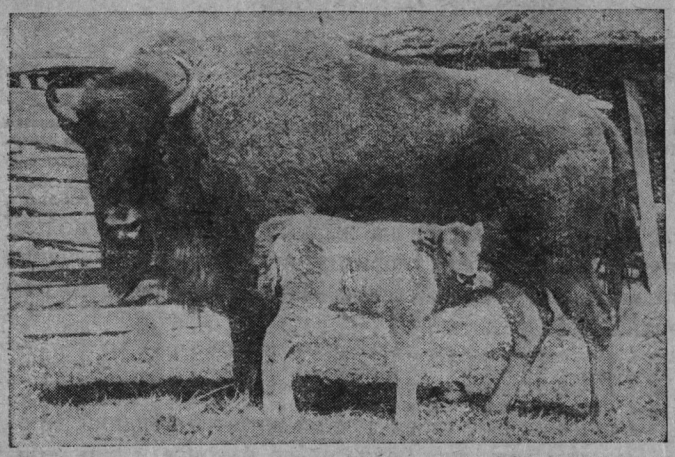
Огромная туша «Красавицы» неожиданно легко повернулась и бросилась к нему. Тут уж некогда было

форсить смелостью. Надо было спасать шкуру. И вот этот маленький человечек в минуту опасности проявил чудо ловкости: забор в полторы сажени он перемахнул почище иной антилопы.

Ошарашенная «Красавица» застыла на месте: что за шут! Был человек и нет человека. На кого же кидаться?

А над ее детенышем уже склонялись семь любопытных голов, и маленький человек с гордостью говорил им:

— Смотрите, великолепная телка! Семь восьмых крови. Еще три-четыре года и мы выведем чистого зубра. За границей осталось несколько старых экземпляров этого вымершего животного. Но чтобы без единой матки создать заново зубров,—это будет первый и единственный опыт во всем мире.



Полузубрица „Красавица" со своим младенцем

II

Ну как, ребята? Нравится вам такая работа? Пошли бы вы на нее? Пожалуй, струсили бы.

А ведь это только часть, только маленькая подробность сложной и трудной работы, которая называется гибридизацией, или скрещиванием разных видов животных.

Видали ли вы, как в деревнях стараются улучшить домашних животных. Если в колхозе одни только простые коровы, то сейчас же собирают средства и покупают для всего стада одного или двух кровных быков, например голландцев. И колхозники радуются:

— Теперь наши коровы будут приносить телят полукровок, наполовину голландцев. Они, когда вырастут, будут гораздо крупнее и молочнее наших. А там, глядишь, от полукровок и кровных родятся на три четверти кровные, а там и чистых голландцев разведем.

Вот это и есть применение в хозяйстве результатов работы научных учреждений. Научные институты на опытах устанавливают, насколько возможно и ценно скрещивать тот или другой вид, ту или другую породу. А потом уже проверенные результаты этих опытов передают совхозам и колхозам, где скрещивание проводится не на единицах и десятках, а на сотнях и тысячах голов.

Скрещивание пород одного и того же вида, или метизация, довольно давно уже применяется в животноводстве.

Скрещивание же различных видов и даже родов изучено очень мало.

У нас этим вопросом занимается Ингаж-институт, который находится в украинском поселке Аскания-Нова.

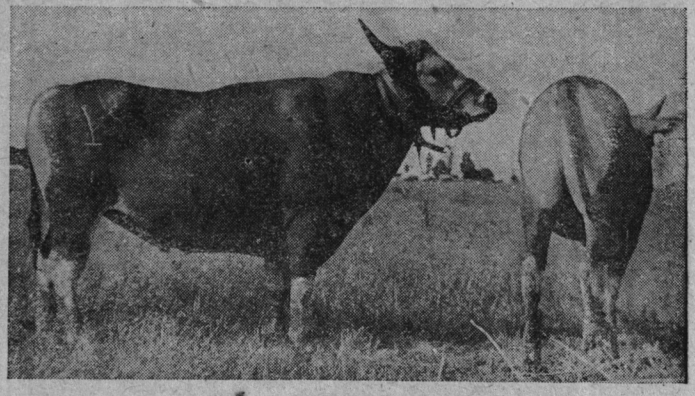
Еще очень давно люди вызнали у природы одну из ее бесчисленных тайн. Они заметили, что если соединить двух животных, самца и самку разных видов, то деги их получат от родителей все самое лучшее, что у них есть, а иногда даже больше. Например помесь (гибрид) одногорбого и двугорбого верблюда всегда гораздо сильнее и выносливее, чем оба родителя; помесь ослицы и жеребца обладает силой лошади и неразборчивостью в еде осла, кроме того он живет втрое больше любой лошади — до 90 лет.

Заметив это, люди тогда же начали широко применять скрещивание для улучшения домашнего скота. Тут стали иногда получаться самые неожиданные вещи. Не так давно в Швецию привезли великолепного красавца-быка «Адольфа». Пустили его в стадо голландских коров. Зимой стали коровы телиться. И вот оказалось, что из каждой сотни телят 25 штук родилось совсем голыми, без единой шерстинки. Они сейчас же сдыхали. Среди хозяев начался переполох. Пробовали и лечить коров и лучше кормить их, но это нисколько не помогло. И лишь через несколько лет догадались, что все дело в «Адольфе». Как только его убрали, телята стали родиться нормальными.

Таких случаев с разными животными было множество. Каждый раз при этом люди бессильно разводили руками и по-старинке ссылались на бога: ничего, мол, не поделаешь, видно бог наказал.

И как будто нарочно, чтобы посмеяться над ними, жизнь устроила так, что главным, кто в этом деле сам того не желая вдребезги разбил бога, оказался австрийский монах Грегор-Иоганн Мендель.

Этот монах очень долго занимался тем, что переносил пыльцу цветков желтого гороха на зеленый, т. е. скрещивал их. Он наблюдал, какие от этой смеси получатся дети. И вот оказалось, что во всех решительно случаях повторяется одно и то же: от желтого отца и зеленой матери дети (гибриды) всегда получаются желтые, но если потом этих гибридов скрестить опять с желтым горохом, то получится удивительная вещь: от обоих желтых родителей дети выйдут разные. На каждые три желтых горошины в среднем придется одна зеленая.



Индийские быки бантенги. При скрещивании с домашним скотом они дают великолепных гибридов—сильных, выносливых и очень неприхотливых, с огромной тушей вкусного мяса.

Есть чудесные английские овцы линкольны с тонкой шелковистой шерстью. Но они малы ростом и очень боятся жары. Институт скрещивает их с крупными грубошерстными овцами гиссарами из Туркменистана. Получаются те же линкольны, только вдвое больше. Они спокойно разгуливают по любой жаре.

А вот тот же гиссар дал помесь с каракулем. Этот ягненок тоже гораздо больше обыкновенных каракульских, а шкурка у него—вы сами видите какая.

Это открытие Менделя имело огромное значение. Из него выросли такие волшебники, как американец Бербанк, как наш Мичурин. На нем теперь строится вся работа по улучшению старых растений и животных, а также по созданию новых.

Таким образом 70 лет назад люди получили основной закон скрещивания. Теперь они могли заранее сказать, что если у комолой коровы и рогатого быка все дети родятся комолыми, то внуки их родятся так: на три комолых один будет рогатый. Если корова была при этом черная, а бык красный, то из 16 внуков будет: 9 черных комолых, 3 черных рогатых, 3 красных комолых и 1 красный рогатый.

Получив в свои руки такой закон, люди могли бы очень скоро сделаться полными хозяевами в этом деле. Но за 70 лет сделано пока очень мало. Причина этому буржуазное государство. Частному хозяину жалко отдавать много животных на опыты. А вдруг из этого ничего не выйдет? Вдруг он получит убыток?

Правда, он знает, что рано или поздно будут открыты новые законы, которые тысячу раз покроют эти убытки. Но когда-то еще это будет. А пока он может прогореть.

Вот точно такие же тройные гибриды, только подросшие. Ничего себе возок они везут? Но ведь это — игрушка для них. Они могут увезти в пять раз больше

И только в единственном государстве — СССР, где люди работают не на жадных хозяев, а на пользу всего человечества, гибридизация наконец получила возможность развиваться по-настоящему, т. е. в широких размерах.

III

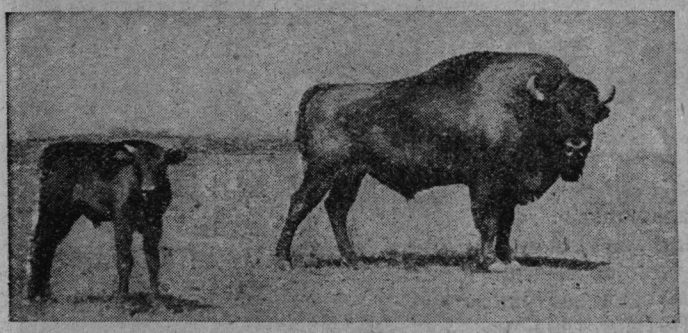
«Красавица» с своей дочкой живет в Аскании. Кроме нее там есть еще целое стадо бизонов и зубро-бизонов, разные антилопы, страусы, олени, буйволы и всевозможная птица.

Государство не жалеет средств на постановку опытов. Оно послало на эту работу хороших, преданных работников и ученых, таких, как Павел Федотыч. Каждый год производятся многочисленные скрещивания и выводятся животные, каких еще не видала земля.

Уже сейчас там выведена помесь маленькой каракулевой овцы и огромной гиссарской. Ягнята этой помеси дают такую же роскошную шкурку, как обыкновенный каракуль, только размером она почти вдвое больше.

Получена новая порода свиньи «белая украинская». Она нисколько не уступает лучшим английским и при этом великолепно переносит сухой климат южных степей. Выведены гибриды дикой лошади Пржевальского и зебры. Они обладают изумительной силой, вы читали про них в прошлом номере «Пионера».

Институт скрещивает собаку — белую овчарку — с лисицей, чтобы получить лисьи шкурки больших размеров с густым и длинным мехом



Зубро-бизон „Разбой", а рядом его сынок—тройная помесь зубро-бизона с серо-украинской домашней коровой. Вы не смотрите, что он маленький. Ему еще только 2 месяца. А когда он вырастет большой, он покажет и дикую силу отца и необычайную выносливость серо-украинца.

Один из сынков „Минны", зброид, в паре с большой кровной лошадью. Они только что провезли 1½ тонны песку. Смотрите, какой усталый виду белого коня и какой нахальный — у зброида. Хоть еще тонну накладывай на него.

Кроме этих Аскания дала еще массу других помесей домашних и диких животных. Опыты продолжаются. Сейчас например ставится опыт скрещивания лисицы и собаки-овчарки. Один ученый долго носился с мыслью скрестить домашнюю свинью и бегемота.

Все эти идеи и планы берутся не просто так, с потолка. Нет, прежде чем приступить к какому-нибудь опыту, долго и тщательно изучаем возможность его осуществления и степень его научной или хозяйственной полезности.

Бывают конечно и неудачи. Очень долго велась работа по восстановлению вымершего животного—тура. К сожалению, из этой работы ничего не вышло.

Главная трудность работы не в том, что животные дики и опасны. Это еще полбеды. А беда в том, что животные не приносят детей на другой день после опыта. Они рождаются в среднем через год.

Значит, прежде чем сделать опыт, надо подумать, да подумать. Надо хорошенько учесть все, что делалось в этой области раньше. Кроме того нужны большая инициатива и смелость мысли. А начавши опыт, надо запастись великим терпением. Через год опыт может оказаться неудачным, и тогда начинай сначала. Но асканийцы этим нисколько не смущаются. Они без малейшего сомнения говорят: «Мы добились уже многого, а добьемся всего. Наша задача — дать обновленной земле новых прекрасных животных, которые заставят людей забыть про те времена, когда им нехватало молока, яиц, мяса, шерсти и мехов. И мы дадим таких животных».

Они уверены в победе, потому что во главе их стоят удивительные люди — большевики. Эти люди не боятся никакой работы. А терпения и смелости им тоже не занимать.

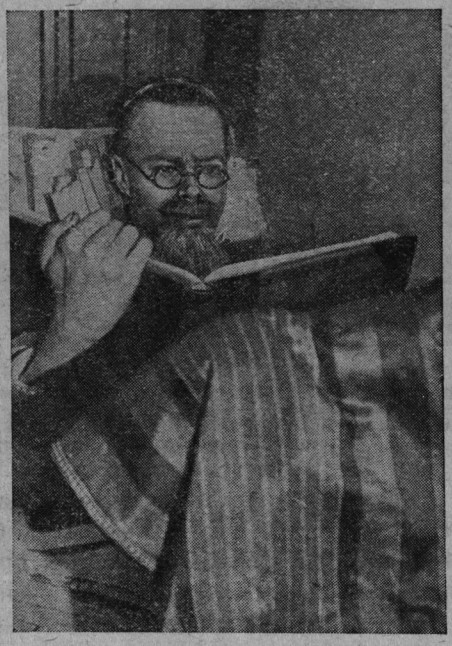
Старая зебра „Минна"

— Нет, больше мне в этом номере делать нечего. Того и гляди пойдут, в Зоопарк приведут, в клетку запрут. Не желаю я иметь дело ни с какими гибридами, ни с подозрительными, ни с настоящими. Давай-ка я лучше дам деру из этого журнала.

И Тут-Итам при помощи всех своих четырех ног, вытянув хвост палкой, кинулся вон со страниц нашего журнала.

Мы послали в погоню за ним художника Каневского, который должен проследить и описать его похождения в следующем номере.

Инж. Гидролюбов разоблачает Жюль Верна



Инж. Гидролюбов читает Жюль Верна. Снимал Юрка Гидролюбов

Целый месяц от инженера Гидролюбова не было никаких вестей. Редакция уже начала беспокоиться— не обиделся ли? Ведь по рассказам Юрки он чудак: мало ли что ему могло показаться?

Написали ему два очень вежливых письма,—и снова ни слуху, ни духу. Ясно: обиделся.

И вдруг совсем недавно поздно вечером в редакцию влетает Юрка, загорелый, потный, запыхавшийся:

— Вот... пожалуйста... от дяди...

И кладет на стол письмо.

У редактора сразу от сердца отлегло: наконец-то!

— Ну, Юрка, как дядя поживает? Здоров?

— Зол. Ужасно зол! Ходит по комнате и злится. А когда писал письмо, — даже бранился вслух, это с ним редко бывает.

— Кого же это он?

— Ничего не понимаю! Расскажи толком, Юрка. А то несешь какую-то чепуху.

— Рассказывать тут, собственно говоря, мало. Вы ведь знаете, что мой дядя сейчас в отпуску, на даче. Отдыхает, купается, ловит рыбу, ходит за грибами. А когда идет дождь, лежит на диване и читает. Своих толстых ученых книг по гидротехнике он не взял с собой из Москвы и поэтому таскает мои. Как на зло, первой ему попалось «Путешествие на луну» Жюль Верна. Прочел он ее и рассвирепел: «Жюль Верн,—говорит,—балаболка! Неуч!» Я конечно за Жюль Верна заступился, а дядя на меня: «Ты, Юрка, еще мальчишка! В физике ничего не понимаешь! Сиди и молчи!». ...В конце концов выяснилось, что виноват во всем завтрак.

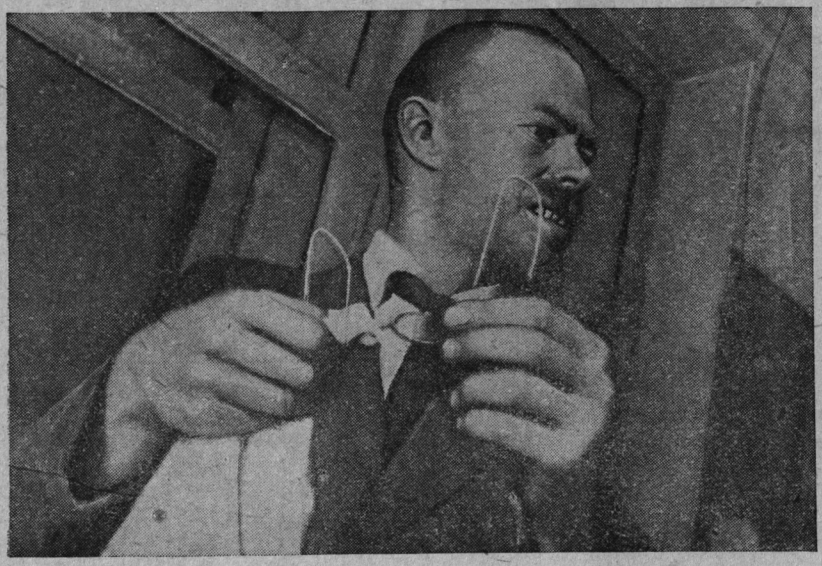
Вы не читали «Путешествия на луну»? Ну так я вам кратко расскажу.

Трое чудаков — Барбикэн, капитан Николь и Мишель Ардан решили лететь на луну. Соорудили они громадную пушку, зарядили ее ядром, а в ядро сами влезли. Ядро было особенное: большое, с окнами, столами, стульями, с продуктами, керосинкой и даже собакой. Кажется ее звали Дианкой... Уселись они в это ядро, пушка выстрелила, и они полетели.

Сначала все было благополучно. Но как только они достигли границы между областями земного и лунного притяжения, началась у них в ядре ерунда. И это понятно: их с одинаковой силой притягивали и земля и луна. От этого все тела в ядре потеряли свой вес, стали невесомыми. Вы представляете: бросил Мишель Ардан книгу,—и она повисла в воздухе. Подпрыгнул Барбикэн — и остался висеть между полом и потолком. Еще бы не ерунда!

Так вот дядя утверждал, что именно в этом месте (я этого проверить не успел) Жюль Верн написал о завтраке, который приготовили себе путешественники на керосинке.

Дядя возмущался.



Дядя рассвирепел—„Жюль Верн балаболка, неуч"—а я в это время аппаратом щелк

— Только балаболка, ничего не понимающая в законах жидкостей и газов, может писать такую чушь! Согреть бульон на керосинке, когда исчезла сила земного притяжения! С'есть бульон, когда он ничего не весит!

Он носился по комнате, как уссурийский тигр в клетке. Потом сел за стол и написал вам это письмо.

Редактор распечатал конверт. Наверху большими буквами стояло:

Завтрак в ядре

А чуть пониже было написано:

(то, чего нехватает у Жюль Верна)

Потом шел рассказ. Но он был написан как-то не совсем обычно: в некоторых местах он прерывался замечаниями инженера Гидролюбова, написанными мелким почерком и отдвинутыми чуть-чуть вправо. А на полях красовались рисунки самого автора.

— Ну с, капитан Николь, не кажется ли вам, что пора завтракать?

— Одну минутку, Барбикэн: это — по моей части. Доверьтесь мне — Мишелю Ардану, — и через десять минут мы будем есть с вами горячий бульон... Капитан Николь, вы будете мне помогать. Прошу вас пододвинуть керосинку... Осторожно! Осторожно! А то она повиснет в воздухе!.. Так... так... Теперь спички... Горит! Прекрасно. Остается вылить бульон из бутылки в кастрюлю и все будет готово... Мистер Барбикэн, пожалуйста передайте бутылку... Благодарю вас... Капитан Николь! Капитан! Почему погасла керосинка? Вы вероятно подкрутили фитили? Не подкручивали? Неужели я забыл налить керосин?.. Нет, все в порядке... Странно... Ну, что же — зажжем еще раз... Горит! Следите за ог-

нем, Николь. Барбикэн, не тоскуйте! Сейчас мы будем есть бульон, прекрасный французский бульон. Вы пальчики обли...

— Мишель! Мишель! Тухнет!

— Что тухнет?

— Керосинка!

— Опять?

— Потухла!

— Ничего не понимаю!.. Барбикэн, вы понимаете что-нибудь?

— Вероятно, какой-нибудь физический закон...

— Чушь! Нет таких законов, чтобы тухла керосинка, когда у нее прекрасные фитили и первосортный керосин! Это был бы дурацкий закон. А в физике нет дурацких законов... Я попробую еще раз.

И Мишель Ардан пробовал еще и еще раз, но результат был тот же: керосинка сначала загоралась, а потом неизменно тухла.

Неуч! Надо как следует изучать физику. И тогда вы бы знали, что при горении образуется углекислота и водяной пар — два негорючих газа. Обыкновенно эти продукты горения не остаются возле самого пламени: теплые и значит более легкие, они поднимаются выше и на их место притекает свежий воздух. Но здесь, в ядре, нет тяжести. Поэтому продукты горения остаются на месте, окружают пламя слоем негорючих газов и преграждают к нему доступ кислорода. А без кислорода не может быть горения. Ясно?

... — Я отказываюсь что-нибудь понимать, Барбикэн. Я сдаюсь! Но я чертовски голоден. И я хочу предложить вам, друзья, с'есть холодный бульон. Это противно, но это все-таки лучше, чем ничего. Согласны?.. Прекрасно! Ваши стаканы, друзья. Николь, я наливаю вам первому: вы трудились над проклятой керосинкой. Держите крепко, Николь... Чудеса! Бульон не выливается, бутылка притворилась пустой!.. Понимаю, понимаю: мы все потеряли вес, и она в том числе. Но у все-таки вытряхну бульон оттуда. Я буду бить ладонью по дну бутылки... Р-раз! Р-раз! Ага! Вылезаешь! Держите стакан, Николь... Но что это? Барбикэн! Смотрите! У горлышка бутылки раздулся круглый бульонный шар величиной с кулак! Что это значит, Барбикэн?

— Мне кажется, это физи...

— Как? Опять физический закон? Пощадите, Барбикэн! Неужели вы действительно считаете физику такой дурацкой наукой, которая заставляет бульон раздуваться в громадную каплю у горлышка бутылки? Разве вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное?

Снова неуч! Неужели вы не знаете, Мишель Ардан, что жидкости только под влиянием силы тяжести принимают форму сосудов и льются в виде струй? Здесь же нет тяжести; жидкость, предоставленная своим внутренним силам сцепления, принимает форму шара. Страшно просто!

... — Нет, не клевещите на физику, Барбикэн! Она здесь не при чем... Но я тебя все-таки вытряхну, бульонный шар!.. Николь, подставьте ближе ваш стакан... Р-раз! Ага! Ты в стакане!.. Друзья! Смотрите! Новые чудеса: бульон расползается по внутренней поверхности стакана... Он перелезает через край... Он... этот проклятый бульон! Он ползет по внешним стенкам... Он переползет сейчас на вашу руку, Николь!... Это чертовщина какая-то...

Сни потеряли вес и повисли в воздухе

Трижды неуч! Эта чертовщина называется обыкновенным смачиванием жидкостями твердых тел. Только в этом случае тяжесть не мешает развиться этому физическому явлению с полной силой. Вот и все.

... — Да стряхните же, Николь, как следует! Бульон вам руку измажет.

Николь с силой тряхнул стакан и— новое чудо: бульон снова собрался в большую каплю и необычным бульонным аэростатом повис в воздухе на высоте двух метров от пола.

Вот тут-то и появилась на сцену Дианка. Она давно уже чуяла носом вкусный запах мясного бульона. Но она лежала смирно на полу: она была воспитанной собакой.

Когда же бульонный шар повис в воздухе над ее головой, она решила, что это не предусмотрено никакими собачьими правилами. И она прыгнула, намереваясь схватить его.

Но Дианка совсем уж не знала физики. И она повисла в воздухе, рядом с бульонным шаром.

Для нее это было величайшей неожиданностью. Она задрыгала ногами, стараясь сначала схватить бульон. Потом она уже мечтала хотя бы опуститься на твердый пол. Но она по-прежнему продолжала плавать в воздухе. Тогда она струсила и громко завыла...

... Мишель Ардан схватил ее за хвост и опустил на пол. А бульонный шар попрежнему парил в воздухе...

На этом кончалось письмо инженера Гидролюбова.

— Ну как?—спросил Юрка.

— Мы обязательно это напечатаем. Молодец твой дядюшка!

Юрка хитро улыбнулся:

— Вы думаете, этим все кончилось? Ничего подобного. Когда дядя прочел мне это письмо, я начал с ним яростно спорить. Я рассуждал очень просто: почему я должен верить инженеру Гидролюбову, которого никто не знает, и не верить Жюль Верну, которого знает весь мир?.. Но разве дядю переспоришь?

Тогда я пустился на хитрость. Я сделал очень послушное лицо и сказал сладким голосом: «Ну, хорошо, дядя, я согласен: Жюль Верн — балаболка, а Барбикэн, Ардан и Николь — трижды неучи. И ясно, что они не смогли позавтракать в ядре. Но представь себе на минуту, дядя, что вместе с этими тремя неучами в ядре оказался ты. Ведь тебе прекрасно известны все эти законы жидкостей и газов. Неужели и ты — инженер Гидролюбов!—не нашел бы способа вскипятить бульон и позавтракать как следует?».

Хитрость моя подействовала. Дядя уселся за стол и думал полчаса. Потом взял перо и написал вот это письмо.

И Юрка вытащил из кармана конверт. Он был запечатан сургучной печатью и на нем было написано:

„А позавтракать все-таки можно!“

Внизу мелким почерком выведено:

„Разрешаю вскрыть и напечатать только после получения по крайней мере ста писем читателей“.

— Не понимаете?—спросил Юрка. — Дядя поручил передать вам на словах свою просьбу к ребятам подумать как следует над его рассказом и написать в редакцию, что надо было бы сделать путешественникам, чтобы у них горела керосинка и вскипел бульон даже тогда, когда в ядре исчезла сила тяжести. Самые лучшие письма дядя просил вас напечатать вместе с его вторым рассказом, написанным в этом письме. Вот и все.

Через десять минут Юрка вышел из редакции. Он нес с собой большую пачку писем — ответы ребят на загадки инженера Гидролюбова, помещенные в № 13 «Пионера». В следующем № (17—18) редактор обязуется поместить разгадки и фамилии ребят, приславших правильные ответы.

Рис. А. Каневского

Попробуйте измерять так...

У лесорубов Америки есть очень простой способ для измерения деревьев. Они отходят от дерева на такое расстояние, чтобы, став к нему спиной и нагнув голову между ногами, видеть только вершину дерева. Потом поворачиваются и измеряют шагами расстояние от дерева. Это расстояние и будет равно длине дерева.

Так как лесорубы с помощью этого способа очень часто измеряют деревья, то они так напрактиковались, что определяют высоту того дерева, которое им надо срубить, с точностью до метра.

Попробуйте и вы этот способ американских лесорубов для измерения высоты деревьев и домов. Только помните одно: ноги надо держать прямо и оставлять между ними такой промежуток, чтобы только чуть через него видеть.

О сборе растений

Недавно я видел путевые журналы известного путешественника Пржевальского, исследовавшего в 1880 г. Центральную Азию.

Один из этих журналов был посвящен сбору растений. Долго я его рассматривал и не мог понять одной графы.

Что же это, думаю, за точки такие стоят? Оказалось, что это особые сокращенные обозначения редкости растений.

∴ это значит—растение обыкновенное, встречающееся массами. Видите, какое длинное обозначение заменено всего четырьмя точками. Не правда ли удобно?

∴ значит обыкновенное растение, но растущее не в массах,

∴ редкое растение.

Определите, каковы были те растения, которые указаны в отрывке из дневника Пржевальского.

Если будете собирать гербарий, заведите такой же журнал. Помните только, что растения нельзя собирать рано утром и поздно вечером, когда на них роса, и во время и после дождя. Мокрые растения плохо сохнут и быстро чернеют.

Около каждого растения обязательно отмечайте, когда собрано, где (на каменистом склоне горы, на берегу озера и т. п.); местное и научное название, как растет (теми значками, о которых я говорил раньше, да еще высоту, цвет, толщину у корня, внешний вид), на какой почве, для чего применяется местными жителями. Вот тогда у вас каждое растение в гербарии будет иметь полный паспорт.

Журнал имел такой вид.

№	Число	Месяц	Почва	Названия растения (местное и научное)	Степень редкости	Цветы	Особые приметы
214	26	У	Глинистая,	Анемона	∴	Беловатые	По лугам,
215	„	„	местами	Стеллария	∴	Белые	по склонам
216	„	„	чернозем	Стеллария	∴	Белые	то же

Кто определит вернее?

Как-то пришлось мне итти с одним звеном в поход. Несколько километров пришлось шагать по тропинке рядом с шоссе. Вдоль шоссе вытянулась бесконечная шеренга телеграфных столбов. Были спеты все песни, произнесены все остроты и шутки, которые знали ребята. Итти было скучно, и вожатый звена ломал себе голову, чем занять ребят?

— Стой, ребята!— вдруг закричал он.—Видите, вон третий телеграфный столб отсюда?

— Видим, видим!—ответили ему.

— Ну-ка, кто скажет, сколько шагов до этого столба?

— Сто! Триста! Сорок пять!— посыпались ответы.

— А ну давайте считать, кто вернее определил...

И звено зашагало вперед.

— Сто шестьдесят шагов!

Выиграла Соня Маркушина, которая назвала 140 шагов. Проиграли Петя и Леня, которые назвали 45 и 300.

Звено увлеклось этой игрой, и скоро все ребята так «навострили глаза», что довольно точно определяли расстояние.

Попробуйте и вы заняться этой игрой. Только помните вначале одно—все предметы кажутся ближе, чем они есть на самом деле.

„ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ“

Думал я недавно зайти в один из пионерских клубов и уже было открыл дверь, да испугался. Сначала я подумал, что ошибся дверью и попал в газовую камеру Осоавиахима, где окуривают газами людей в противогазах.

Я быстро захлопнул дверь и взглянул в окно. Оказалось, что я действительно попал в пионерский клуб. Только в это время дежурное звено подметало полы и подняло такую пыль, что комната стала похожа на газовую камеру.

Я подождал с полчаса, пока пыль улеглась, и вошел в комнату.

— Здравствуй, приятель,—говорю я очень ехидно вожатому звена.—Что это вы тут только что делали?

Но тот нисколько не смутился и отвечал:

— А мы занимались «перпутуум мобиле»...

Тут уж я изумился.

— Как? — говорю. — Да ведь ученье давно доказало, что «вечное движение» невозможно...

Вожатый упер руки в бока и гордо посмотрел на меня:

— А мы вот доказали, что возможно. Полчаса назад мы подняли пыль на воздух, а сейчас она снова села. Потом мы ее опять поднимем, а она опять сядет, и так до бесконечности. Вот тебе и «перпутуум мобиле».

— Благодарю вас за раз'яснение,—говорю я.—Только давайте-ка лучше я поучу вас, как надо подметать пол, потому что вижу и тут нужно умение.

Прежде всего пол надо обязательно спрыснуть водой. Вода прибьет пыль и она не будет разлетаться. А потом мести надо от себя, а не на себя.

А на прощанье я сказал звеновому:

— Эти простые правила помогут вам все же понять бессмыслицу «вечного движения».

Пять секретов портного

Давно, давно, когда самого старшего из вас, читателей «Пионера», не было на свете, жил в Петербурге (теперь этот город называется Ленинградом) один портной.

Славился этот портной на всю купеческую Россию. Ведь со всей России в Петербург ездили купцы пьянствовать, похвастать своим богатством. Часто бывало напьется купец да и разорвет костюм. Сейчас же зовут знаменитого портного, и он моментально чинил порванное место, да так, что его и отыскать нельзя было. Многие купцы нарочно брюки разорвут, чтобы на них портной показал свое искусство.

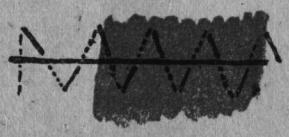
Я знаю, что многие из вас позавидуют искусству этого портного. Еще бы! Ты вот разорвал брюки, и от мамаши здорово влетит. А то бы починил их так, что никакая, самая строгая мамаша и разузнать не смогла бы, что брюки или юбка были продраны.

Все же несколько секретов своего ремесла портной после себя оставил. Один из этих «бывших секретов»—теперь всем известная «елочка». Ею сшиваются продранные или разрезанные толстые и плотные материи (но не протертые).

Края разреза плотно и ровно прижимаются друг к другу (но так, чтобы они не находили друг на друга). Знаменитый портной умел их так прикладывать, что каждая шерстинка соединялась своими половинками.

Затем тонкой ниткой у самого края начинают сшивать разорванное, причем иголку каждый раз втыкают с испода наружу и ниже, чем предыдущий стежок, таким образом получается вроде елочки.

Есть еще другая «елочка»; когда шьют снаружи к исподу и получается такой путь иголки:



Другой «секрет» портного, менее известный,—как закреплять конец нитки. Обычно в конце делают несколько стежков на одном и том же месте,—тратят время и нитки. Портной же делал так

Теперь затягивайте нитку. Получается маленький, незаметный узелок, который крепко держит нитку. Делают его на нижней стороне платья.

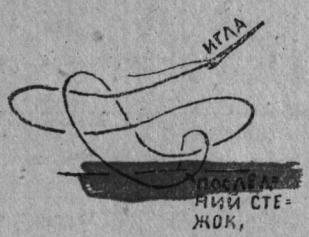
Все это делается тремя средними пальцами левой руки.

Предпоследний «секрет»—вдевание нитки в ушко иголки. Если иголка маленькая, то вы наверное уже сами испытывали, какое это мученье попасть ниткой в иголку.

Но гораздо скорее и удобнее, если вы будете делать наоборот, т. е. не нитку вдевать в игольное ушко, а игольное ушко надевать на нитку.

Наконец последний «секрет»—длина нитки. Если вы возьмете очень длинную нитку, будет быстрее уставать рука, путаться нитка, вы будете делать большой размах рукой и медленнее шить.

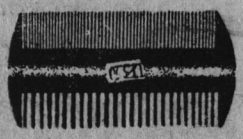
Короткая же нитка заставит вас часто вдевать ее в иголку. Лучшая длина нитки — если вы держите шитье на коленях — до уровня глаз, не сгибая спины.



Цена 25 коп.

ЗОРКИЙ ГЛАЗ

ЗАДАЧА С ГРЕБЕШКАМИ

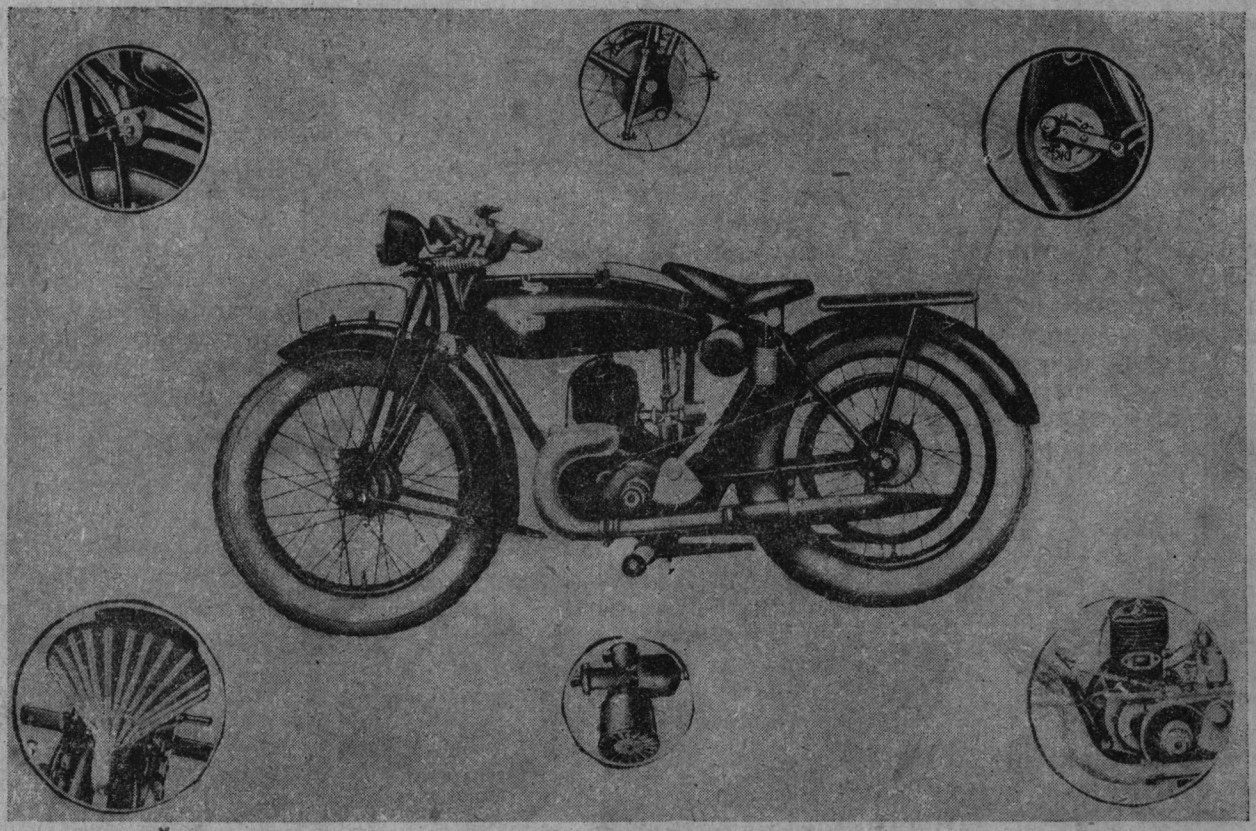


Сосчитай глазами, сколько зубцов в этих гребешках

ОТВЕТ НА ЗАДАЧИ С ЧАСАМИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 13:

I. На левом циферблате 12 часов 33 минуты на правом—11 часов 26 минут.

II. В верхней половине циферблата стрелки встретятся 5 раз, а в нижней—6.



НАЙДИ В МОТОЦИКЛЕТЕ ВСЕ ДЕТАЛИ, КОТОРЫЕ НАРИСОВАНЫ ВОКРУГ

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** | Худ. редактор **Н. КУПРЕЯНОВ** | Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 27/VII—33 г., подписан к печати 20/VIII—33 г. Изд. № 742. Формат 1/8 72×105 см. 1 б. л. 135000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—56248. Типография газеты „Правда". Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 2076. Тираж 40.000 экз.

Отпечатано в 39 тип. „Мособлполиграф", ул. Скворцова-Степанова, 3. Заказ 1235.